

Судьбы Книг

Е.И.Меламед

**ДЖОРДЖ КЕННАН
ПРОТИВ ЦАРИЗМА**

И. СИЛИБИ

СУДЬБЫ КНИГ

Увидев,
какое впечатление
произвели русские
на этого очень хорошего,
но сильно предубежден-
ного прежде человека,
я почувствовал гордость
за мой народ,
за мою страну.

Е.И.Меламед

**ДЖОРДЖ КЕННАН
ПРОТИВ ЦАРИЗМА**

МОСКВА «КНИГА» 1981

ББК 76.11
М47

РЕЦЕНЗЕНТЫ —

член Союза писателей СССР,
кандидат филологических наук
Е. А. Таратута,

доктор исторических наук
Б. С. Итенберг

На обложке воспроизведено оформление И. Я. Билибина
к изданию 1906 г.

М $\frac{61001-012}{002(01)-81}$ 5-81 4503000000

© Издательство «Книга», 1981 г.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

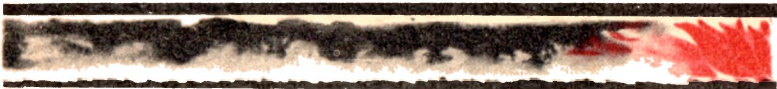
прель 1890 года. Фридрих Энгельс сообщал Вере Ивановне Засулич: «Я надеюсь, что опубликование моей статьи на английском языке произведет некоторое впечатление. В настоящий момент вера либералов в освободительный пыл царя сильно поколеблена вестями из России, *книгой Кеннана** и последними университетскими волнениями в России»¹.

Письмо пришло из Лондона в Женеву, где в только что созданном группой «Освобождение труда» журнале «Социал-демократ» готовилась к печати статья Энгельса «Внешняя политика русского царизма». О ней как раз идет речь. В письме упоминается книга «Сибирь и ссылка»² американского публициста Джорджа Кеннана (1845—1924). «Он *разоблачил перед всем миром*, — говорится в статье, — *все те гнусные методы, при помощи которых царизм в собственной империи подавляет всякую попытку к сопротивлению*»³.

Кстати говоря, если внимательно перечитать первую книжку «Социал-демократа» за 1890 год, где начала печататься работа Энгельса, имя американца встретится вновь: в разделе «Библиографические заметки» помещен отклик Г. В. Плеханова на появление первого перевода «Сибири и ссылки» на русский язык, изданного Парижским социально-революционным литературным фондом⁴.

«Г. Кеннан разоблачил некоторую долю гнусностей русского правительства перед читающей публикой образованного мира. Этим

* Здесь и далее курсив мой. — Е. М.

он оказал величайшую услугу революционерам...»⁵, — подчеркивал Плеханов, отметив также исключительную правдивость произведения и недюжинный литературный талант автора.

Книга, пролившая свет на самые мрачные и потаенные стороны царизма, вызвала огромный интерес в самых разных кругах, многих задела за живое. В те дни о ней писали, говорили, спорили на страницах газет, в частных письмах, в либеральных собраниях Европы и Америки, в пересыльных тюрьмах России.

«Вспоминая о разоблачениях Дж. Кеннана и задумываясь над их смыслом, понимаешь, что только в аду можно найти подобие правительству вашего царя», — писал Марк Твен русскому революционеру-эмигранту С. М. Степняку-Кравчинскому⁶.

А вот строки из письма Кеннану Льва Николаевича Толстого: «Очень и очень благодарен Вам, как и все живые русские люди, за оглашение совершающихся в теперешнее царствование ужасов»⁷.

Подобных оценок можно привести немало, и они будут еще приведены, но прежде откроем книгу...

Перед нами описание путешествия в Сибирь, совершенного почти сто лет назад. Его участники — двое американцев, один из которых не расстается с карандашами и дорожным альбомом, другой ведет обстоятельный рассказ о виденном, слышанном и пережитом.

Уже на первых страницах автор поясняет, что путешествие на «край света» предпринято не ради обозрения достопримечательностей, а для того, чтобы получить ясное представление о системе ссылок в России, о карательной политике царизма по отношению к участникам революционного движения. При этом, однако, любознательные путники стараются не пропустить ни одной сколько-нибудь существенной детали быта населения, внимательно приглядываются к экономической жизни всякой губернии, где только проходит их маршрут. Со вкусом и живостью описывает Кеннан красоту и своеобразие сибирской природы, характерные черты в облике городов и деревень. А как обширна и разнообразна портретная галерея граждан Российской империи...

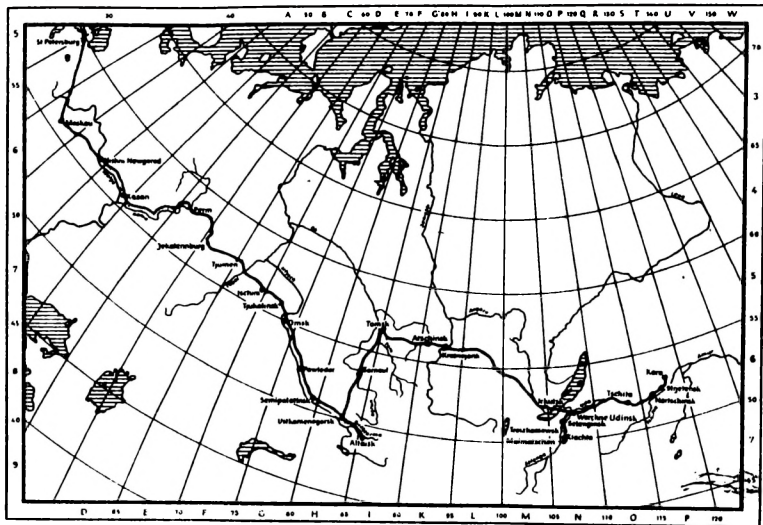
Вот запись об уральской станции Бизер: «...часто встречались просеки, покрытые нежным дерном, как зеленым бархатным ковром, с группами серебристых березок. Розы, фиалки, ромашка, дикая земляника, колокольчики росли во множестве вдоль полотна дороги, и все луга были разукрашены самыми роскошными цветами». И далее: «Ничто не поражает так сильно путешественника, который первый раз переезжает в июне через Урал, как сибирский зной и необычайная красота, и разнообразие, и ароматичность сибирской флоры. Хоть мы! были уже отчасти подготовлены к тому, что нас ожидало, благодаря нашей поездке вверх по Каме, но даже несмотря на это погода, растительность и красота ландшафта на пороге Западной Сибири возбудила наш полнейший восторг»⁸.

От внимания путешественников не ускользнуло, что в России есть «два великих учреждения» — церковь и кабак; и что «общественность и предприимчивость — качества здесь неизвестные»⁹.

Как и каждому истинному исследователю, американскому путешественнику дорог факт. Всякую мысль он старается подкрепить точным подсчетом, документальным свидетельством, собственным непосредственным наблюдением. Подсчитав, например, что мимо них от сибирской границы проехало 1445 возов с продовольствием, Кеннан заключает: «Я думаю, что лучших доказательств того, что Сибирь не пустыня, не надобно. Из пустыни не вывозят ежедневно по 1500 тонн продуктов»¹⁰. И так на протяжении всей книги: выводы непременно подтверждаются точными, выверенными данными.

Сам переезд из Европейской России в Сибирь — край каторги и ссылки — для автора книги этап, полный грустных размышлений. Он задерживается здесь сам и заставляет читателя остановиться и проникнуться трагедией тех тысяч несчастных, для которых переступить этот порог значило проститься со всей прежней жизнью, а часто и с жизнью вообще.

«Мы увидели на дороге четырехугольную колонну в 10—12 ф. высотой, сложенную из кирпича; на одной стороне был укреплен герб европейской губернии, Пермской, на другой — сибирской губернии,

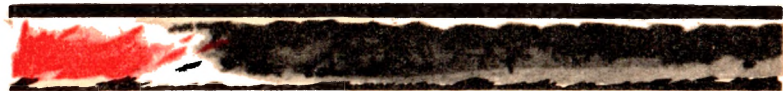

Карта путешествия Кенна

Тобольской. Это был сибирский пограничный камень. Ни с одним пунктом, от С.-Петербурга до Тихого океана, не связано в России столько печальных воспоминаний; ни одна местность в России не имеет для путешественника такого интереса, как эта маленькая лесная поляна и этот каменный столб, освященный печалью и людским несчастьем. Сотни тысяч человеческих существ... сказали здесь отечеству, родине, друзьям и родным последнее прощание.

Ни один пограничный столб в мире не был свидетелем такого горя, таких тяжелых невзгод, как этот; бесчисленные существа с разбитыми сердцами миновали его» ¹¹.

Уже приведенные фрагменты из книги дают представление о манере письма Кенна. Простота и непосредственность, искренность и свежесть стиля, несомненно, подкупали читателя. Неприятательна

и композиция книги. Это словно бы отчет о поездке — очень обстоятельный, почти на тысячу страниц.

Главы — этапы пути. Названия глав — как путеводитель по карте России — с запада на восток. Первая называется «Через русскую границу», вторая — «Западно-Сибирская равнина», третья — «Степи Иртыша». Но уже в названии четвертой главы четко выявляется главный смысл путешествия. Она называется «Моя первая встреча с политическими ссыльными». Затем идут главы «Пересыльная тюрьма в Томске» и «Политические ссыльные и уголовные преступники в Томске» — пребывание в этом городе стало вехой на пути Кеннана. «Еще прежде, чем оставить Томск, я был уже окончательно излечен от моих прежних предубеждений против русских нигилистов и от моих симпатий к русскому правительству», — напишет он¹². Далее читателю представлены «Жизнь на большом сибирском тракте» и «Жизнь административно-ссыльных», «Ссыльные в Иркутске» и «Русская полиция», «Поездка через Забайкальский край», «Карийские рудники» и т. п.

По страницам книги движемся мы в глубь Сибири, каторжной Сибири, и вместе с тем — в глубь темы, которая так волновала автора и которая благодаря ему взволнует еще тысячи людей в разных странах. И чем явственнее от главы к главе биение его встревоженного сердца, тем громче отзвук в потрясенной душе читателя. Здесь достигается, быть может, самое важное и ценное для писателя — эффект читательского присутствия. Порой кажется, что это мы сами вслед за Кеннаном едем по сибирским равнинам и горным перевалам, и вслед за ним входим в переполненные, зловонные пересыльные тюрьмы или в убогие каморки ссыльно-поселенцев... Кажется, это навстречу нам выходят измученные жертвы бесправия и несломленные борцы с деспотизмом — светлые, прекрасные люди, которые, по глубокому убеждению Кеннана, в другой стране признавались бы за цвет нации, а в царской России содержатся наравне с бандитами и насильниками... «Пусть царь посылает таких людей, как Волховский, в Сибирь или заключает их в уединенные, неприступные казематы, —

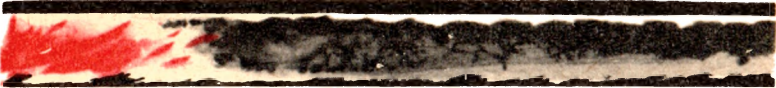
пишет американец, — но придет время, когда имена этих людей будут записаны золотыми буквами в летописях родной земли, когда рассказы об их жизни и страданиях будут возбуждать русскую молодежь, любящую свободу и родину, к героическим подвигам»¹³. Не случайно С. М. Степняк-Кравчинский признавался, что под впечатлением рассказанного Кеннаном он «почувствовал гордость за свой народ, за свою страну»¹⁴.

Кеннан показал множество судеб, искалеченных самодержавием.

«В 1879 году, — читаем мы в главе «Ссылка административным порядком», — проживал в Ивангороде Черниговской губернии известный врач по фамилии Белый...» По распоряжению властей Белого выслали в Сибирь за то, что он сочувствовал «пропагаторам» и при случае не отказывал им в помощи. В то время его жена готовилась стать матерью. Едва оправившись от родов и оставив ребенка на попечение родных, она поспешила вслед за мужем. Денег на такую поездку у Белой не было, и ей пришлось пройти через всю страну с партией ссыльных. В Иркутске, когда силы молодой женщины были уже на исходе, она узнает, что доктор Белый находится не в Верхоленске, как было ранее объявлено, а в заполярном Верхоянске, до которого еще четыре с половиной тысячи верст через леса, горы и пустыни. Потрясенная этим известием, жена Белого сходит с ума и спустя несколько месяцев умирает в тюремной больнице.

«Я набросал, — пишет Кеннан, — в самых сжатых чертах эту ужасную трагедию; но если бы читатели услышали ее из уст ссыльных, которые были с г-жей Белой в той же партии, видели, как понемногу исчезали в ней проблески рассудка, и ухаживали за ней, когда она совсем помешалась, то они не удивились бы тому, что ссылка административным порядком (т. е. без суда. — *Е. М.*) делает людей террористами, а только недоумевали, что вся нация не обратилась еще поголовно в них»¹⁵.

Вместе с тем Кеннан с объективностью ученого и гуманностью доброго человека охотно подмечает и каждое человеческое слово или побуждение тех, кто по долгу службы обязан надзирать за ссыльными.

Среди тюремщиков он тоже находит людей, которые в иных условиях могли бы найти себе лучшее, более достойное применение. Среди прочих выводов, к которым подводится читатель, и такой: самодержавное, деспотическое государство губит всех: и борцов за права, и их карателей, превращая одних в «преступников», а других — в палачей.

Фундаментальное исследование о сибирской ссылке, насыщенное разнообразным документальным материалом, привлекло внимание как людей, подготовленных к самому серьезному чтению, так и очень широкие круги рядовых читателей. Ибо дар ученого-исследователя и талант публициста одновременно водили пером Кеннана.

Драматизм и напряженность повествования усиливаются еще и от того, что на наших глазах автор побеждает не только немалые объективные трудности на пути к своим героям, но и совершает еще более трудный подвиг — переосмысления прежних представлений, преодоления собственных иллюзий, сомнений и предубежденности по отношению к революционерам.

Что же побудило его, иностранца, отправиться в далекую Сибирь? Как возник замысел этой книги? Какова ее дальнейшая судьба?

Говорят, что любая биография — это изложенные в той или иной форме вопросы и ответы. И, правда, если не о чем спрашивать, стоит ли братья за перо? В биографии «Сибири и ссылки» вопросов более чем достаточно. Часть ответов читатель найдет в этой книге.

Пользуясь случаем, приношу глубокую благодарность всем тем, кто помогал мне их искать. И прежде всего писателям: Ю. В. Давыдову, Е. А. Таратуте, В. Г. Уткову (Москва); историкам и литературоведам: А. В. Ратнеру (Москва), профессору Н. С. Травушкину (Астрахань). Выражаю также искреннюю признательность за содействие д-ру Фредерику Старру, бывшему много лет директором Института имени Кеннана в Вашингтоне.

САМ СЕБЯ СОТВОРИВШИЙ...

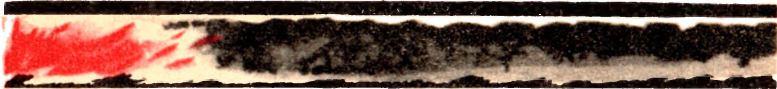
Похвала телеграфу

втор книги «Сибирь и ссылка», известный публицист и неутомимый путешественник, крупный знаток Востока, член различных научных обществ Джордж Кеннан не имел за плечами даже колледжа. Из американских биографических источников следует, что это был типичный «selfmademan»,

что в буквальном переводе с английского значит: «Человек, сам себя сотворивший».

Он родился 16 февраля 1845 года в Норуоке, небольшом городке штата Огайо¹. Его отец, Джон Кеннан, выходец из шотландско-ирландской семьи, адвокат по профессии, был горячим пропагандистом только что появившегося телеграфа и управляющим местной телеграфной конторой. Мать Мэри-Анна Морзе, дочь коннектикутского священника, состояла в родстве с С. Ф. Морзе — изобретателем электрического телеграфа. Это ли, последнее обстоятельство, или общее поклонение современников великому техническому чуду сыграло свою роль в судьбе Джорджа, но его детство и юность оказались так или иначе связаны с телеграфом. Говорят, что первое свое сообщение по проводам мальчик послал в 1851 году, в день, когда ему исполнилось шесть лет. А спустя полвека в неопубликованной автобиографии Кеннан воздал хвалу телеграфу, который впервые отправил его в Сибирь, сделал путешественником и исследователем, вызвал интерес к России, приобщил к литературе и журналистике (при всем том помешал стать обладателем университетского диплома)² Первоначальное образование Дж. Кеннан получил в норуокской

народной школе, которую посещал до 12 лет. Затем он сделался оператором в конторе своего отца и десять лет проработал телеграфистом. Так складывалась семейная традиция (чему немало способствовали и финансовые затруднения родителей)³.

После того, как юноша завершил свое формальное образование в школе, его учителями стали жизнь и книги. Жизнь он прочно связал с чужой и далекой страной. Впоследствии, когда его спрашивали, где он получил высшее образование, автор «Сибири и ссылки» отвечал, ничуть не погрешив против истины: «В России»⁴.

Итак, он служил телеграфистом в Норуоке, Кливленде, Уиллинге, Цинциннати. А когда разразилась Гражданская война, Кеннан выполнял обязанности помощника Главного оператора компании Западного Союза и военного телеграфиста агентства «Ассошиэйтед Пресс». Из писем Кеннана тех лет видно, что работа в телеграфной конторе тяготила его. Юноша жаждал знаний и приключений. И когда в 1864 году разнесся слух, что компания Западного Союза организует экспедицию на Северо-Восток России, он тут же вызвался стать ее участником и вложил в это предприятие все свои скудные сбережения.

Безусловно, для 19-летнего Кеннана это был смелый шаг. Ведь предстояло необычное путешествие. Русско-американская экспедиция была организована для проведения телеграфной линии из Америки в Европу через Берингов пролив. Этот эпохальный по тому времени проект возник после того, как потерпела неудачу первая попытка перебросить подводный кабель через Атлантику. Компания Западного Союза решила тогда проложить телеграфную линию через Аляску и Сибирь и соединиться с самой восточной точкой телеграфной системы России — Иркутском.

Прежде чем приступить к исполнению проекта, необходимо было исследовать свыше двух тысяч миль малозаселенной территории Восточной Сибири, обозначить маршруты, разбить лагерь для первых строителей и т. д. И все это в суровых условиях арктического климата, в незнакомой, труднопроходимой местности. Понимал ли Кеннан, на что решается? И да, и нет, ведь ему едва минуло 19. Но вот генерал

Стэйджер, директор компании, надо полагать, хорошо понимал, что успех предприятия будет зависеть от мужества, молодости и энтузиазма пионеров. Будучи человеком военным, скорым на решения, он направил Кеннану лаконичную телеграмму: «Можете выехать на Аляску через две недели?» Телеграф незамедлительно доставил не менее лаконичный и решительный ответ: «Да, через два часа»⁵.

Однако тифозная лихорадка на несколько месяцев задержала отъезд. Да и родители решительно воспротивились поездке сына в столь отдаленные и неизведанные края. Но неожиданно союзником Джорджа оказался домашний врач, убедивший семейство Кеннанов, что изнурительный труд в телеграфной конторе еще губительнее для здоровья. В конце концов родители дали согласие.

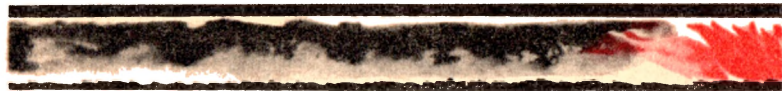
Два с половиной года, проведенных Кеннаном на Камчатке и в Сибири, можно с полным основанием считать первым курсом его «русского университета». Он не был легким. Пришлось изведать и пятидесятиградусные морозы, и утомительные переходы, и ночевки у костра под открытым небом. Несомненно, однако, что суровые испытания закалили молодого человека и физически и душевно. Он удивлял родных и друзей необычайной для его слабого здоровья выносливостью. И когда через год семья потребовала, чтобы упрямец-сын вернулся домой, Джордж наотрез отказался, ссылаясь, в частности, на то, что работа хорошо оплачивается и что вернуться — значит проявить слабость⁶. Ему удалось настоять на своем.

К осени 1867 года поисковая партия исследовала весь маршрут будущей линии от Амура до Берингова пролива. Были проведены и другие подготовительные работы, но завершить начатое американцам не пришлось. Руководство компании решило ликвидировать «дело», ибо оказалась успешной очередная попытка проложить телеграфный кабель в Атлантическом океане, и теперь проблема связи Америки с Европой через Сибирь уже не представлялась столь актуальной.

В начале октября 1867 года американское судно «Онуард» увозило из Охотска участников злополучной экспедиции. Впрочем, уезжали не все. Кеннан и еще трое его товарищей решили остаться в Охотске с

Джордж Кеннан на обратном пути из Сибири в 1867 г.

тем, чтобы зимой отправиться на родину через Азию и Европу, совершив, таким образом, кругосветное путешествие.

Их путь, долгий и полный впечатлений, пролегал через Якутск, Иркутск, Томск, Москву и Петербург. Американцы возвращались не только домой, но и в лоно цивилизации. Два с половиной года они были лишены даже намека на комфорт. В путевом дневнике Кеннана любопытная запись, сделанная в Иркутске: они почувствовали себя здесь «как готы-варвары, вззирающие на Рим»⁷.

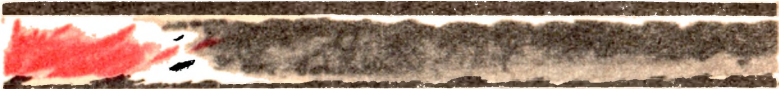
А обе русские столицы повергли юного американца из провинциального Норуока в благоговейный трепет. «Я не буду даже пытаться что-либо описывать по возвращении из виденного мною в этом величественном городе», — читаем в письме Кеннана из Петербурга к родным в январе 1868 года⁸.

Его восхищение, очевидно, подогревалось признательностью за гостеприимство. Несмотря на то, что труд участников экспедиции пошел насмарку, официальная встреча американцев в Петербурге была обставлена весьма пышно: осмотр столицы, торжественный банкет, речь министра, вельможи в звездах, тосты на хорошем английском языке... Вполне естественно, что представители Нового Света были тронуты до слез и оставили страну, питая самые радужные иллюзии. Даже проницательному Кеннану их хватило надолго.

В плену у иллюзий

Возвратившись на родину, наш путешественник некоторое время служит торговым агентом и по настоятельному совету друзей читает лекции о сибирских впечатлениях. Пробует он свои силы и в литературе. Между тем Россия, воспоминания о ней все манят его туда снова и снова. И он ищет возможность приехать еще раз. Хочется новых приключений и свежих материалов для лекций, а возможно, и для дальнейших литературных занятий.

В 1870 году в Нью-Йорке вышла в свет его первая книга «Кочевая жизнь в Сибири»⁹. Она сразу же привлекла внимание публики живыми и точными описаниями, мягким юмором и юношеской свежестью. У этого произведения оказалась счастливая читательская судьба. «Кочевая жизнь в Сибири» выдержала у себя на родине свыше двадцати изданий¹⁰ (последнее вышло в США в 1970 году)¹¹ и неоднократно переводилась на иностранные языки, в том числе трижды на русский¹². Книга его помогла американцам преодолеть предубежденность в отношении их северных соседей.

Жизнь коренных обитателей Камчатки и Сибири, их быт, обычаи и традиции представлены в путевых записках ярко и достаточно полно. При этом, правда, Кеннан ни разу не упоминает о ссыльных и ссылке, скорее всего потому, что не имел случая соприкоснуться с этим.

«Кочевая жизнь в Сибири» появилась на прилавках нью-йоркских книжных магазинов в то время, когда ее автор опять был в Петербурге. Оттуда он отправился на юг, проехал вниз по Волге и четыре месяца в одиночку странствовал в горах Дагестана. Только весной следующего года Кеннан возвратился в Соединенные Штаты, посетив по пути Константинополь, Вену и Лондон. Новая поездка усилила его симпатии к России и ее правительству. Даже в русских завоеваниях на Кавказе он видел только благо — распространение цивилизации.

В последующие годы Кеннан служит в банке в Медине, продолжает читать лекции и публикует в американских журналах собранные на Кавказе материалы. В 1877 году он становится профессиональным журналистом и, переехав в Вашингтон, работает сначала репортером, а позднее ночным редактором агентства «Ассошиэйтед Пресс».

По-прежнему будучи во власти своих светлых воспоминаний о приеме в Петербурге, о «либерализме» русского правительства, Кеннан время от времени подает голос в его защиту. 24 февраля 1882 года он читает в Американском географическом обществе лекцию, названную «Сибирь — место ссылки», где пытается оправдать карательную политику самодержавия и доказать, что сущность русской ссылки извращается Степняком-Кравчинским, Кропоткиным

и другими революционерами-эмигрантами. Кеннан убеждает соотечественников, что Сибирь вовсе не так страшна, как они воображают себе, и что «нигилисты-террористы», сосланные туда на каторжные работы — это закоренелые фанатики с анархистской подкладкой¹³. Он, очевидно, был совершенно искренним, уверяя, что предпочел бы пожизненную ссылку в Сибирь пятилетнему тюремному заключению в государственной тюрьме штата Огайо¹⁴.

Позиция, занятая автором «Кочевой жизни в Сибири» по отношению к царизму, и его критика русских революционеров были достаточно тривиальны. В то время почти вся пресса Америки и Западной Европы бичевала нигилистов — убийц и разрушителей. С. М. Степняк-Кравчинский в своей книге «Русская грозовая туча» упоминает, как после взрыва в Зимнем Дворце он увидел в английском сатирическом журнале карикатуру: два нигилиста встречаются среди груды развалин: «Уже все взлетело в воздух?», — спрашивал один. «Нет, — отвечал другой, — земной шар стоит на месте». «Ну что ж, давай взорвем и земной шар!»¹⁵.

Нападки на участников русского освободительного движения усилились после казни народовольцами Александра II. Но вот неожиданно в апреле 1884 года в этот согласный «антинигилистический» хор диссонансом ворвался голос некоего мистера Армстронга.

Убийцы ли нигилисты?

Ильям Д. Армстронг был американским торговым агентом в России и прожил несколько лет в обеих столицах и где-то на юге, возможно, в Одессе. Хорошо образованный, наблюдательный американец общался с передовой русской интеллигенцией и, видимо, усвоил ее умонастроения.

По возвращении на родину он как очевидец той борьбы, которую горстка отважных молодых людей вела с государственно-бюрократическим аппаратом могучей империи, был приглашен прочитать

лекцию для членов конгресса и деятелей столичного Географического общества.

Лекция его, по выражению современного американского историка, прозвучала «обвинительным актом царизму вообще и Александру III в особенности»¹⁶.

Хорошо изучив политические и социально-экономические условия России, Армстронг пришел к выводу, что ожидать от царизма каких-либо прогрессивных реформ нет оснований, и назвал систему управления страной варварской.

Нигилисты же, — говорил он, — это соль земли русской. И то, что «именуют убийством от рук нигилистов, — не совсем верно в смысле словоупотребления... Убийца — это тот, кто наносит удар без предупреждения, втихомолку, в темноте, без опасности для собственной жизни. Русские же нигилисты тысячу раз объясняли царю и его приближенным цели и причины их борьбы...»¹⁷ Армстронг сравнивал русских революционеров с фермерами Лексингтона и Конкорда, которые, спрятавшись за изгородями и каменными стенами, убивали британских солдат, посланных через океан для их порабощения.

«Эти патриоты не изображены в американских школьных учебниках убийцами» и «нет резона применять этот термин и по отношению к русским нигилистам»¹⁸, — убеждал соотечественников Армстронг.

Приведенные факты и доводы были настолько неожиданны и настолько не вязались с привычными представлениями, что большинство слушателей были огорошены. Однако, когда лекция закончилась, из зала на трибуну поднялся возмущенный молодой человек и, ссылаясь на свои личные впечатления и на официальные данные, стал не менее решительно защищать русское правительство. Джордж Кеннан, а это был именно он, расходился с докладчиком в частности и по существу. Русское правительство, говорил он, не менее демократично и либерально, чем американское; преследование же нигилистов — не произвол, а понятное стремление укрепить общественный

порядок в условиях, «когда разные социалисты и анархисты бросают бомбы в верховных представителей страны»¹⁹. Кроме того, Кеннан считал завышенными приводимые Армстронгом данные о числе сосланных в последний год царствования Александра II (и в этом был прав) и приводил другие данные (явно заниженные), взятые из официальной русской статистики.

Такое резкое расхождение во взглядах двух авторитетов по русским делам побудило правление Географического общества просить оппонентов детально изложить свою точку зрения. Они согласились и прочли целый ряд рефератов, а Кеннан даже выпустил обращение к Географическому обществу.

Этим, однако, инцидент не исчерпался. Возникшая полемика выплеснулась на страницы газет, большинство из которых разделяло точку зрения Кеннана. В то же время сторонники Армстронга доказывали, что автор «Кочевой жизни в Сибири» и те, кто идет за ним, плохо знакомы с современной Россией и что многие их утверждения голословны. Спор по-прежнему оставался неразрешенным.

Кто поедет в Сибирь?..

ипение событий в России, борьба «Народной воли» с самодержавием привлекали на Западе все большее внимание. Потому и «проблема ссылки, — писал современный историк, — приобрела такое значение, что даже на международных тюремных конгрессах в Лондоне (1872), в Стокгольме (1878),

Риме (1885) ставились специальные доклады о ней, в том числе о политической ссылке в России, тем более, что в последней четверти XIX в. ссылка практиковалась только во Франции и в России»²⁰.

А в Америке продолжалась газетная шумиха вокруг полемики Кеннана с Армстронгом. Кто из них прав? Общественность ждала ответа. И тогда солидный нью-йоркский журнал «The Century

Illustrated Monthly Magazine» («Ежемесячный иллюстрированный журнал века»), или просто «Сенчури», решил послать специальную экспедицию в Россию для беспристрастного исследования темных и светлых сторон русской жизни.

Поскольку журнал и его читателей интересовало прежде всего русское революционное движение и действие карательной системы царизма, исследователи не должны были ограничиваться пребыванием в столицах и центральных губерниях. Рассчитывать на успех можно было только непосредственно на месте самой ссылки, т. е. преимущественно в Сибири.

Но кто поедет в Сибирь?

Сейчас, кажется, уже не слишком трудно представить, как рассуждал президент компании «Century» Росуэлл Смит. Армстронг поехать не может, хотя бы потому, что его теперь не пустит царское правительство. А вот кандидатура Кеннана подходит больше. Он защищает царское правительство, состоит в наилучших отношениях с русским посольством в Вашингтоне и явно питает неприязнь к нигилистам. Он уже несколько раз бывал в России и обладает опытом длительных путешествий по Сибири. Его авторитет исследователя и публициста признан в литературном и научном мире. Наконец, что тоже немаловажно, предложение «Сенчури» совпадает и с его собственными планами.

Разумеется, было бы по меньшей мере несерьезным считать, что спор с У. Д. Армстронгом явился главной и единственной причиной, побудившей Джорджа Кеннана вновь отправиться на край света. По его собственному признанию, мысль о такой поездке родилась у него еще в 1879 году²¹. Наблюдения, которые он сделал ранее в Сибири, убеждали его, как много интересного и до сих пор не описанного еще ждет там исследователя. «...Для американца, — писал он о Сибири, — она была такая же terra incognita, как центральная Африка или Тибет»²².

Проходит еще два года, и Кеннан начинает готовить новую поездку. В 1881 году он ведет переговоры о финансовой поддержке своего

плана с издателем «Нью-Йорк Херальд» Джеймсом Беннетом, а после его отказа — с владельцем другой крупной газеты — «Нью-Йорк Сан» — Чарльзом Дана.

Дана поначалу проявляет интерес, но по разным причинам и эти переговоры заходят в тупик²³.

Несмотря на неудачи, Кеннан без устали штудировал доступные ему источники о России и в особенности о сибирской ссылке. В 1883 году он сообщает отцу, что посвящает изучению России все свое время и надеется, что через несколько лет будет знаком с предметом лучше, чем кто-либо другой в Америке²⁴. К этому времени и русский язык, видимо, уже не казался ему «таким сложным, запутанным, совершенно непонятным»²⁵, как при первом знакомстве. Отправившись в 1865 году в Сибирь «без языка», Кеннан поплатился за это: на страницы его первой книги проникло немало поверхностных наблюдений. То, что, несмотря на скудость фактического материала, «Кочевая жизнь в Сибири» читается с большим интересом, служит, — по меткому замечанию Феликса Волховского, — только показателем талантливости автора²⁶.

Что и говорить, теперь, спустя два десятилетия после «телеграфной» экспедиции, Кеннан чувствовал себя гораздо увереннее и внутренне был готов выполнить задуманное. В конце концов определилось, кто возьмется субсидировать экспедицию. Средства обещает журнал «Сенчури», с которым Кеннана связывали деловые отношения с начала 1882 года.

Правда, оставалось еще неясным, как отнесутся к планам американца русские власти. Главным образом чтобы выяснить это, Кеннан летом 1884 года совершил предварительную поездку в Россию. Три недели он пробыл в Москве, Петербурге и Новгороде, посвятив основное время встречам с американскими дипломатами и русскими официальными лицами. Еще в Нью-Йорке Кеннан запасся рекомендательными письмами к видным представителям консервативных кругов, но достоверно известно только о его беседе с И. С. Аксаковым²⁷.

Новое посещение России, хотя и кратковременное, укрепило уверенность будущего автора «Сибири и ссылки» в том, что путешественник, расположенный благожелательно к здешним порядкам, может надеяться на ответную любезность и что, таким образом, его план выполним.

Вернувшись в сентябре 1884 года в Соединенные Штаты, Кеннан вступает в прямые переговоры с владельцами «Сенчури» и вскоре подписывает формальное соглашение: ему выплачивается аванс, а по прибытии он обязуется предоставить редакции 12 статей. Кроме того, к Кеннану присоединяется бостонский художник Джордж Фрост, его товарищ по первой сибирской экспедиции, которого также снаряжают за счет журнала.

Обоим путешественникам предстоит исколесить тысячи километров в поисках... истины.

СИБИРСКАЯ «ОДИССЕЯ»

Дорога к истине .

торого мая 1885 г. Кеннан и Фрост, обремененные сверх обычных походных принадлежностей бумагой, карандашами и громоздкими фотографическими аппаратами, покинули Нью-Йорк, чтобы спустя три недели, оставив позади океан и добрую половину Европы, достигнуть русской столицы — долгожданной Северной Пальмиры.

В Петербурге Кеннан испросил аудиенцию у товарища министра иностранных дел Влангали и посвятил его в свои планы. Аргументация американца была вполне убедительна. Поскольку на Западе существует предубеждение против тюремной системы России, сибирской каторги и ссылки, то правдивое изображение принесет только пользу властям. К тому же сам Кеннан, не раз защищавший русское правительство, уже не сможет, из опасения прослыть лгуном, опубликовать что-либо, опровергающее его прежние утверждения¹.

По-видимому, слова эти произвели должное впечатление на высокопоставленного чиновника. Во всяком случае, разрешение на поездку в Сибирь было дано. Влангали обещал также выхлопотать рекомендательное письмо министра внутренних дел и письменно известить сибирских губернаторов о цели их поездки. Стало быть, заморским гостям доверяли? Видимо, так. И все-таки ледок сомнения оставался. Вопрос о посещении тюрем, например, оставили на усмотрение местных властей. Кроме того, вместе с рекомендательными письмами Кеннан получил настоятельный совет посетить в Москве М. Н. Каткова, всесильного редактора черносотенных «Московских

ведомостей» и «главного прокурора от инквизиции» (по выражению В. Г. Короленко)².

Встреча с Катковым, который, очевидно, должен был помочь иностранцам получить «верное» представление о нигилистах, не состоялась. Впрочем, особой нужды в ней как раз и не было, ибо тогдашнее мнение Кеннана о нигилистах, как он сам отмечал, пришлось бы «вполне по сердцу русским властям»³. «Я не могу упрекнуть себя, — писал впоследствии американец, — в неоткровенности или двоедушии по отношению к русскому правительству, и позволения ехать в Сибирь я добился не обманом или ложными уверениями. Не потому разнится мое мнение от того, которое я высказал г. Влангали в 1885 г., что я был не откровенен с ним, но только потому, что ужасающие факты изменили самым коренным образом мои когда-то столь твердые взгляды на этот предмет»⁴.

...А пока дорога к истине для двух ее искателей еще лишь начиналась. Она оказалась вымощенной камнями не только символическими, но и вполне реальными. От Петербурга до Кары и обратно (начальный и конечный пункты путешествия) Кеннан и Фрост преодолели свыше 16 тысяч километров (по-старому 18 тысяч верст). Но фактически — еще больше, если учесть, что для кандалных тяжелых путей обычная мера — не мера. «Сибирский тракт — самая большая и самая безобразная дорога во всем свете», — писал А. П. Чехов⁵.

На этом пути в «Сибири и ссылке» упомянуты и более или менее полно описаны 27 городов. Среди них крупные — Москва, Нижний Новгород, Казань, Пермь, Иркутск и совсем крохотные — Верхне-Удинск, Селенгинск, Троицкосавск... В каждом новом месте путешественники старались по возможности самым подробным образом передать свои впечатления от увиденного.

В Перми они впервые сделали попытку осмотреть тюрьму и тут же столкнулись с сопротивлением полиции. Достаточно было им дважды пройти мимо тюремного замка и бросить в его сторону несколько внимательных взглядов, как их арестовали, приняв за немецких шпионов(!?). Инцидент этот, понятное дело, закончился благополучно. Как

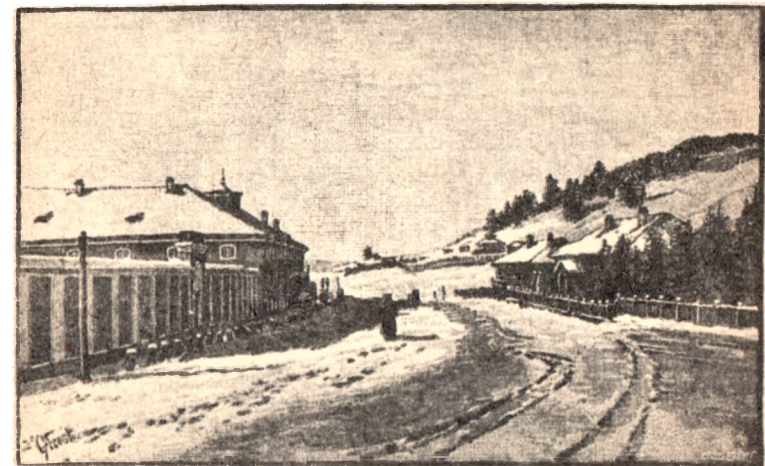

Рисунок Дж. Фроста из книги Кеннана

только были предъявлены рекомендательные письма петербургских сановников, полиция принесла извинения и удалилась, а просьба гостей была тут же исполнена. Они смогли посетить местную тюрьму, и губернатор радушно принял их в своем доме.

Это «недоразумение» несколько не изменило настроения американцев. Они покинули Пермь, уверенные в основательности своей подготовки и в успехе своей миссии. Правда, до сих пор Кеннан и Фрост не встречались со «страшными» нигилистами. В лучшем случае они видели их издалека или довольствовались тем, что получали сведения от начальства. Но оптимизм свой они сохранили в полной мере.

Так продолжалось до Семипалатинска...

Поворотный пункт

Семипалатинске состоялась, наконец, первая встреча с политическими ссыльными. Ей предшествовало знакомство с неким чиновником, занимающим немалый пост в Степном генерал-губернаторстве (Кеннан называет его вымышленной фамилией Павловский). Американцам рекомендовали его

как честного и образованного человека и большого знатока Сибири. Однако они не скрыли своего удивления, услышав от этого представителя власти, что молодые люди, которыми наводнена Сибирь, «обладают выдающимся образованием, а женщины замечательной стойкостью характера»⁶, что «эти мужчины и женщины оказали бы при других обстоятельствах неоценимые услуги своей родине»⁷. Убедившись, что сказанное — не провокация, гости пожелали получить более подробные сведения. Они узнали, что находящиеся в Семипалатинске административно-ссыльные попали в Сибирь без всякого судебного разбирательства по приказу министра внутренних дел и с одобрения царя. Более того, как оказалось, эти люди не являются ни «бомбометателями», ни «опасными заговорщиками». Они попросту считались «неблагонадежными», т. е. были связаны с запрещенными обществами, читали «крамольную» литературу, принимали участие в студенческих беспорядках. И вот теперь они испытывают большую нужду и лишения, так как назначенного им казной пособия едва ли достаточно, чтобы избежать голодной смерти.

В довершение Павловский предложил своим собеседникам посетить одного молодого ссыльного, некоего Лобановского, который зарабатывал на хлеб тем, что разрисовывал занавес для городского театра. Предложение, разумеется, тотчас было принято, хотя с некоторым смущением: пока еще «живых нигилистов» американцы не встречали. Кстати, незадолго до их отъезда в Россию журнал «Сенчури» поместил на своих страницах изображение растрепанного субъекта с безумным лицом и кровожадными глазами, под которым

стояла подпись: «А Socialiste»⁸. Возможно, и будущий автор «Сибири и ссылки» примерно так же представлял себе нигилистов. Во всяком случае, он не находил подобные изображения предосудительными. Даже после разговора с Павловским Кеннан предполагал встретить «юношу с длинными волосами и вращающимися белками», который будет осыпать пришедших патетическими речами и требовать, чтобы они признали убийство Александра II справедливым⁹.

...Вечером Кеннан записал в свой путевой дневник: «...Я увидел перед огромным четырехугольным холстом, занимавшим целую стену, белокурого молодого человека лет 30, одетого в костюм из коричневого полотна и державшего в одной руке кисть, а в другой палитру с свежерастертыми красками. Его крепкая фигура была хорошо сложена и статна, движения изобличали человека образованного; у него были ясные голубые глаза; густые белокурые волосы непокорными прядями падали на высокий лоб; русая борода придавала его лицу мужественность и достоинство; он производил впечатление добросердечной и легковозбуждающейся, но в то же время гармоничной личности с сильным характером. Во всяком случае, лицо это не соответствовало моему представлению о нигилисте и произвело на меня крайне приятное впечатление»¹⁰.

Такое же приятное впечатление оставили в душе американского публициста и друга Лобановского, с которыми он также познакомился. В них не было и намека на эксцентричность и кровожадность, зато они поражали образованностью, разнообразием интересов, приветливостью. Когда же он увидел в компании ссыльных 16—17-летних девушек, то в нем впервые вспыхнуло презрение к русскому правительству. «Если бы я был царь, — сказал он тогда Фросту, — в распоряжении которого находится целая армия солдат и полицейских, и из боязни перед подростками-девушками не мог бы все-таки спать, пока они не сосланы в Сибирь, то я лучше отказался бы от престола...»¹¹

Таким образом, маленькому городку, расположенному на берегу Иртыша и прозванному «чертовой песочницей» за обилие песка и

отсутствие какой-либо растительности, суждено было стать поворотным пунктом — и не только в сибирской «одиссее» Кеннана, но и во всей его жизни. Здесь он вынужден был признаться себе, что если все нигилисты похожи на тех, с кем он познакомился в Семипалатинске, то ему придется коренным образом изменить свои взгляды ¹². И в дальнейшем, повстречав несколько сот живых, не «мифических» нигилистов, а заодно познакомившись с представителями противоположного лагеря, Кеннан во всеуслышанье заявил о полном и безусловном превосходстве первых над вторыми и о своей солидарности с делом русской свободы. К этому признанию американского публициста мы еще вернемся.

После Семипалатинска...

После Семипалатинска, — пишет хорошо осведомленный мемуарист, — «американцы стали объектом двойной бухгалтерии: администрации и ссыльных, причем каждая сторона, в своих интересах, стала снабжать путешественников рекомендательными письмами к своим знакомым. Под руководством ссыльных, имевших всюду хорошие связи с местными учреждениями, американцы узнавали то, что ни одному иностранцу нельзя было бы почерпнуть из официальных источников...» ¹³

Им открылась бездна фактов — свидетельств произвола, насилия и жестокости царизма. Чего стоит хотя бы записанный в «Сибири и ссылке» рассказ о судьбе четырнадцатилетней (!) девочки Виктории Гуковской, которая в 1878 году была сослана в Сибирь, а через три года, не имея сил перенести тяжкие испытания, повесилась в Красноярске. Незадолго до приезда путешественников в Ачинск в местной тюрьме умерла от тифа молодая интеллигентная женщина из Киева Софья Никитина. Прежде чем найти свою смерть в безвестном сибирском городке, она прошла 3000 верст по этапам!

Сибирские друзья В. Г. Короленко поведали Кеннану историю о ссыльных скитаниях писателя, которого сослали сначала «по ошибке», затем за вымышленный побег и, наконец, в третий раз за отказ принести присягу на верноподданство императору Александру III.

В Томске американцы познакомились с князем Александром Кропоткиным, братом известного революционера-эмигранта Петра Кропоткина. В 1886 году, т. е. вскоре после возвращения экспедиции в Америку, в газетах промелькнуло сообщение, что надломленный многолетней ссылкой А. А. Кропоткин покончил жизнь самоубийством. А рассказ о ссыльном докторе Долгополове, жестоко наказанном за оказание хирургической помощи умирающей женщине! А избивание заключенных в тюрьмах и на этапах, издевательства над женщинами и девушками! А ссылка политических в немыслимое одиночество якутских стойбищ!

Путешествуя по сибирским городам и весям, американцы имели возможность близко наблюдать жизнь политических ссыльных и со многими у них завязывались дружеские отношения. Знакомств в этой среде Кеннан насчитывал «более чем 500»¹⁴. Благодаря им, в первую очередь, и произошла, очевидно, переоценка ценностей в сознании Джорджа Кеннана.

Однако почему та же действительность не изменила воззрений, скажем, придворных публицистов из лагеря Каткова? Да что Катков! В 1882 году в Лондоне вышла книга английского миссионера Генри Лэнсдейла «По Сибири»¹⁵ — совершенно апологетическое произведение. По утверждению одной английской газеты, автор «на все смотрел сквозь розовые очки русских чиновников»¹⁶.

Выходит, важно — как, какими глазами смотреть на факты. Важно умение собрать их столько, чтобы можно было делать действительно серьезные выводы. Важно не упускать детали, которые порой так красноречивы.

Еще в начале своего путешествия Кеннан обращает внимание на то, что «у всех ссыльных, несмотря на нищенскую обстановку, были собственные письменные столы, книги и периодические издания...»¹⁷,

и всякий раз он пользуется случаем осмотреть библиотеки «врагов цивилизации», находит в них стихи Лонгфелло, «Политическую экономию» Милля, «Опыты» и «Принципы социологии» Спенсера, «Историю Соединенных Штатов» Лабулэ и другие произведения по истории, юриспруденции и политэкономии.

Отсюда выводы:

1) «Люди, читающие подобные сочинения и, несмотря на все невзгоды, претерпеваемые ими на пути в Сибирь, не расстающиеся со своими любимыми авторами, не могут быть ни „дикими фанатиками“, ни „невежественными сапожниками“»¹⁸.

2) «Если такие серьезные, образованные и мыслящие люди сосланы на житье в уединенную деревушку на границе Монголии, — вместо того, чтобы находиться на государственной или общественной службе, то — тем хуже для этого государства!»¹⁹

А сколько раз после новых и новых знакомств он с горечью записывает строки, подобные, к примеру, вот этим: «Г. Чудновский оказал бы честь каждому свободному государству, но он имел несчастье родиться в России и ему на долю достались лишь заключение и ссылка»²⁰.

«...Его факты новее и многочисленнее...»

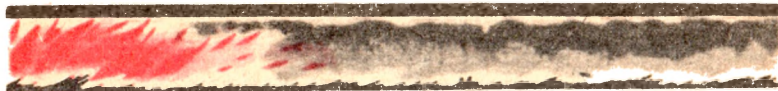

отрясенный всем виденным и слышанным, американский публицист оказался в затруднительном положении. «Если бы я был русский, — признался он как-то одному из виновников своего потрясения, ссыльному революционеру И. П. Белоконскому, — я, быть может, понял бы причину арестов, продолжительных тюремных заключений и ссылки в Восточную Сибирь без суда и следствия, но как американец я этого не понимаю, и, боюсь, американцы недоверчиво отнесутся к моим описаниям»²¹.

И потому он продолжает собирать доказательства. И на этом пути его не удерживают «ни холод, ни метель, ни выюга, ни пути сообще-

Рисунок Дж. Фроста из книги Кеннана

ния»²². С риском для жизни Кеннан и Фрост добрались даже до Кары, где находились принадлежащие царю серебряные рудники и самые страшные каторжные тюрьмы. И, хотя оба здесь попали под неусыпное наблюдение полиции, им удалось все же тайком встретиться с узниками, жившими в так называемой «вольной команде», и получить необходимые сведения.

На обратном пути американцы почти две недели провели в Чите, где, по словам автора «Сибири и ссылки», оказались самые интересные «политические» из встреченных в Забайкалье²³. В деревянном домишке, где когда-то жили декабристы, они беседовали о революционном движении в России, о Петропавловской крепости, о харьковских «централах» и карийских рудниках.

Среди участников этих встреч был Егор Егорович Лазарев, революционер-народник, впоследствии эмигрант, с которого Лев Толстой «списал» образ Набатова в романе «Воскресение»²⁴. Лазарев сообщает, что он и его товарищи по просьбе американских путешественников составляли «разные докладные памятные записки», знакомя их «не только с фактами и отдельными событиями, но и с историей революционного и общественного движения 70—80-х годов»²⁵.

Впрочем, и до приезда в Читу, как указывает тот же автор, в распоряжении Кеннана «была масса ценных материалов, добытых конфиденциально или от либеральных чиновников, или через политических ссыльных»²⁶. Характерно, что с первых дней пребывания в России американец пользовался поддержкой и дружеским участием многих людей, различных по своим политическим взглядам и социальному положению. Еще в Петербурге он познакомился с известным общественным деятелем, редактором газеты «Восточное обозрение» Н. М. Ядринцевым. Помощь, которую оказал Кеннану этот человек, проведший большую часть своей жизни в Сибири, испытавший на себе все ужасы административной ссылки, трудно переоценить. Как явствует из писем Кеннана к Росуэллу Смиту, редактору «Восточного обозрения» свел его и Фроста с сибиряками,

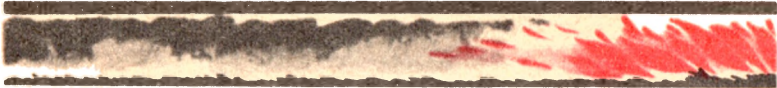
жившими в то время в столице, составил для путешественников своеобразную инструкцию, как им поступать в том или ином случае, и, наконец, написал два десятка рекомендательных писем к своим знакомым, жившим в разных частях Сибири, — горным инженерам, купцам, губернским чиновникам, коллекционерам, журналистам²⁷.

Помогли Кеннану советы и указания и другого сибиряка — кяхтинского купца А. М. Лушникова. Друг декабристов и многих сибирских путешественников, он обладал широкими знакомствами в среде политических ссыльных²⁸, один из которых, И. И. Попов, стал его зятем. В доме Лушникова американцы нашли приют во время своего пребывания в Кяхте. Вспоминая впоследствии, с какой теплотой и сердечностью их принимали, Кеннан писал, что гостеприимство — характерная черта всех русских, где бы они ни жили²⁹.

Очень высоко оценивает автор «Сибири и ссылки» полковника Кононовича, который в течение 18 лет заведовал карийской каторгой, а позднее был начальником острова Сахалин (где, кстати, с ним встречался и А. П. Чехов). Нравственный облик этого человека, необычный для представителя царской администрации, заставляет вспомнить генерала Лепарского, коменданта Нерчинских рудников и Петровского завода, который, по словам декабриста М. А. Бестужева, в продолжение десяти лет «не дал никому почувствовать, что он начальник в тюрьме»³⁰. Так же, как и Лепарский, Кононович дружил со многими узниками и делал все, что было в его власти, для облегчения их участи. Разумеется, подобная не предусмотренная законами гуманность влекла за собой доносы и неприятности по службе. Когда американцы приехали на Кару, Кононовича там уже не было. Но рассказы о его деятельности, записанные со слов политических ссыльных и каторжан, не могли не побудить искать встречи с ним. «Вне всякого сомнения, — пишет в своих воспоминаниях революционер-народник Н. А. Чарушин, — что Кеннан лично познакомился с Кононовичем в Петербурге и получил от него многие сведения, как из первоисточника, которыми воспользовался при написании своей книги»³¹.

Рисунок Дж. Фроста из книги Кеннана

Лушников, Кононович, не названные автором чиновники — местные и столичные — «протезировали» американцам большей частью из этических соображений, в то время как ссыльные придавали их поездке огромное политическое значение. Они помогали путешественникам, как помогают союзникам по борьбе. В Усть-Каменогорске, например, им вручили не только рекомендательные письма, но и подробный список 700 ссыльных по всей Сибири с указанием их фамилий, возраста и места ссылки. Это был бесценный дар: «Мы не блуждали более в потемках, не подвергались опасности раскрыть тайную цель нашей поездки людям, которые могли бы нас предать правительству, — писал автор «Сибири и ссылки», — а, напротив того, в каждой деревне, в каждом городе мы уже заранее знали то лицо, к которому нам следовало обращаться за необходимыми сведениями и которому мы могли спокойно доверить нашу тайну»³².

Одним из таких людей оказался будущий историк русского освободительного движения В. Я. Яковлев (писавший под псевдонимом Богучарский), который в то время отбывал ссылку в Туринске Тобольской губернии. Его товарищ Г. Борзяков рассказывает в неопубликованных воспоминаниях, что Яковлев поражал всех новоприбывших, давая точнейшие справки о каждой колонии ссыльных и о каждом человеке в отдельности. «В конце концов, — пишет мемуарист, — пришлось за справками обращаться только к нему и на мое удивление о такой осведомленности В[асилий] Я[ковлевич] скромно ответил: „И, батенька, пришлось поработать! Джорджу Кеннану нужно было собрать материал, ну и старались дать полные и точные сведения“»³³.

Разумеется, Яковлев старался не один. Многие из тех, кто числился в усть-каменогорском списке, вносили свою лепту. Вот хотя бы уже упомянутый И. П. Белоконский. Иван Петрович не только рассказал, что знал, но и подарил гостю ценную коллекцию фотографий политических ссыльных, собранную за долгие годы неволи³⁴ ...

Часть опасного груза Кеннан отправлял багажом в ящиках с двойными стенками. Остальное хранил на себе в специально сшитом

поясе. Отправлять и хранить крамолу было, конечно же, небезопасно (те, кто дарил, рисковали еще больше). Зато, когда на обратном пути американец приехал в Лондон и предстал там перед русскими эмигрантами, он, как оказалось, «не только отлично говорил по-русски, но знал все, что заслуживало внимания относительно Сибири»³⁵. Это строки из воспоминаний П. А. Кропоткина.

Другой участник лондонской встречи — С. М. Степняк-Кравчинский писал тогда же своему другу, английскому социалисту Э. Пизу: «Он (Кеннан. — *Е. М.*) теперь в корне изменил свои взгляды и целиком и полностью подтверждает все, что мы писали в наших книгах. Только его факты новее и многочисленнее тех, которыми мы могли располагать». И далее: «Истинное наслаждение слушать, как он говорит о России. Вы бы никогда не поверили, чтобы иностранец мог так глубоко понять закулисные стороны нашей общественной жизни. Его книга будет опубликована в виде серии статей в „Сенчури“, начиная с января. Она будет означать эпоху в завоевании общественного мнения Европы и Америки в пользу нашего дела»³⁶.

Так известный русский революционер не только признал компетентность иностранца в русских делах, но и по справедливости отдал ему преимущество. Очевидно, Кеннану была известна столь высокая оценка. И все-таки он не спешил браться за перо.

Явное и тайное

В Лондоне Кеннан пробыл около месяца: нужно было составить отчет для редакции «Сенчури», ухаживать за болевшим Фростом, да и сам он нуждался в отдыхе, так как дошел до крайнего физического и нервного истощения.

В середине апреля Фрост, болезнь которого усилилась, вынужден был уехать домой, а Кеннан, уже окрепший, благодаря заботам жены, которая специально приехала в Англию, вместе с

нею в апреле 1886 г. вновь отправился... в Петербург. Он намеревался изучить истоки карательной практики царизма и поближе познакомиться с представителями оппозиционной интеллигенции.

В Петербурге Кеннан сделал «визиты вежливости» товарищу министра иностранных дел, шефу жандармов и начальнику главного тюремного управления, там же осмотрел две «образцовых» столичных тюрьмы: Литовский замок и Дом предварительного заключения.

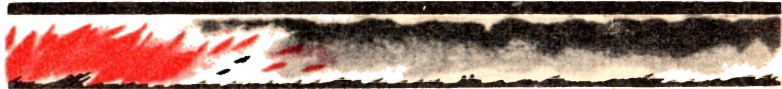
Потом была Москва и знакомства с представителями либеральной интеллигенции, писателями и учеными, объединившимися вокруг редакций «Русских ведомостей» и «Русской мысли». Судя по всему, гость проявлял желание поближе познакомиться с жизнью и бытом первопрестольной. Известно, в частности, что репортер «Русских ведомостей», большой знаток старой Москвы В. А. Гиляровский водил его по печально знаменитым трущобам ³⁷.

Затем Кеннан отправился в Тулу, а оттуда — в Ясную Поляну.

Датированная 17 июня 1886 года запись в «Летописи жизни и творчества Льва Николаевича Толстого» сообщает: «Посещение Л. Н. Толстого Д. Кеннаном». И далее: «Кеннан рассказывал Толстому о жизни политзаключенных Сибири и беседовал об учении непротivления злу насилием» ³⁸.

Более подробно о событиях этого дня, в том числе о беседах с Львом Николаевичем, говорится в очерке «Визит к графу Толстому», который Кеннан написал и опубликовал в «Сенчури» по возвращении на родину ³⁹. Из очерка мы узнаем, что поездка к Толстому была предпринята по просьбе политических ссыльных, которые надеялись, что рассказ очевидца об ужасах сибирской ссылки усилит симпатии писателя к революционерам и подтолкнет его к еще более активной борьбе с деспотизмом.

Надежды эти оправдались не вполне: Толстой, хотя искренне и сострадал ссыльным как жертвам насилия, в то же время и осуждал их за то, что они в своей борьбе тоже применяли насилие. По его убеждению, это не могло уменьшить зло, а только привело к его усилению.

«Революционеры, — говорил он, — которых вы видели в Сибири, решили изменить зло насилием и каков результат? Горечь, нищета, ненависть, кровопролитие! Зло же, против которого они подняли оружие, по-прежнему существует, а им оно принесло еще массу неслыханных до сих пор человеческих страданий»⁴⁰.

И все же рассказ Кеннана о виденном и слышанном, привезенные документальные свидетельства⁴¹ не могли не вызвать ответных чувств и не усилить его (Толстого) интерес к жизни революционеров и их борьбе⁴².

Посещение Ясной Поляны, встречи с петербургскими сановниками, осмотр тюрем, знакомство с представителями столичной интеллигенции — это была явная сторона дела, но была еще и тайная. Тайная заключалась в том, что Кеннан выполнял поручения политических ссыльных, с которыми встречался в Сибири. Он передавал письма адресатам и «живые» приветы от товарищей⁴³. Возможно, его новой поездкой в глубь России воспользовались и лондонские изгнанники. Во всяком случае, у них были все основания доверять американцу: подобные деликатные поручения он выполнял и раньше и служил надежным «почтовым курьером» для ссыльных⁴⁴, живущих в различных частях Сибири. И не только Сибири. Когда, к примеру, А. А. Кропоткину потребовалось установить связь со своим братом в Лондоне, он сделал это также через Кеннана.

И в дальнейшем американский публицист оказывал существенные услуги русским революционерам. Это не ускользнуло от внимания департамента полиции⁴⁵. Однако летом 1886 г. российскую полицию личность Кеннана еще, как видно, не занимала, и он сумел довести свою миссию до конца.

Из множества встреч, что происходили в те дни, попытаемся восстановить подробности только одной, в которой явное и тайное переплетается. Явной была сама встреча, тайной — ее содержание. Так же, как яснополянская, она оставила неизгладимый след и в биографии книги «Сибирь и ссылка», и в жизни ее автора.

«Очень интересный посетитель...»

етом 1886 года В. Г. Короленко сообщал брату Юлиану (из Нижнего Новгорода в Красноярск): «Был у меня очень интересный посетитель — американец Кеннан. Он ездил изучать русскую ссылку. Собрал массу интересного материала, который будет опубликован в американских газетах и, кроме того, выйдет отдельной книгой»⁴⁶.

Судя по этим строкам, русский писатель остался доволен встречей с Кеннаном⁴⁷. Однако едва ли гость ограничился только тем, что познакомил Короленко с впечатлениями от поездки по Сибири и поделился литературными планами. Зная, с какой целью Кеннан приехал в Россию, нетрудно представить, что обмен сведениями был взаимный и, таким образом, в «массе интересного материала» имеется и лепта Короленко. Это предположение подтвердилось, когда стало известно, что в огромном архиве Кеннана, в той ее части, что хранится в Славянском отделе Нью-йоркской публичной библиотеки, находятся и короленковские материалы: портрет писателя, рисунок якутского жилища с его автографом и фото политического ссыльного П. Попова с дарственной надписью «Лучшему другу В. Г. Короленку»⁴⁸.

Еще одно доказательство — письмо Кеннана к переводчику «Анны Карениной» на английский язык (имя адресата не установлено, но, возможно, это Александра Делано, американская переводчица произведений Толстого и Короленко). Как явствует из содержания, оно написано в конце 1887 года. Вот интересующий нас отрывок: «В статье о провинциальных русских тюрьмах, которая появится в журнале „Сенчури“ за январь (1888 года. — Е. М.), вы найдете ссылку на русского писателя, который сообщил мне, как он научился русской тюремной „азбуке стуков“. Это и есть Короленко.

Я не считал благоразумным называть его, так как он до сих пор находится под надзором полиции, и нижегородский губернатор был бы рад предлогу сослать его опять. Я намерен воспользоваться еще многими

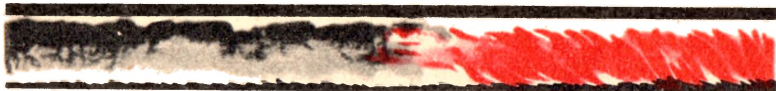

сведениями, полученными от него, но я не желаю, чтобы его подозревали в доставлении мне этих сведений. Было бы великой потерей для литературы, если бы такая светлая и многообещающая личность была бы снова выслана в Якутск или погребена в какой-нибудь тюрьме. <...> Я все же намерен в одной из моих статей о Сибири рассказать жизнь Короленко и историю его ссылки»⁴⁹.

Это письмо приоткрывает «завесу» над тайнами нижегородской встречи. Ни Короленко, ни Кеннан ни словом не обмолвились в печати об ее итогах. Даже в «Сибири и ссылке», где фигурирует имя Короленко и изложена история его скитаний (Кеннан выполнил свое намерение), источник информации не назван.

Вероятно, таким же образом американский публицист распорядился и с другими сведениями, сообщенными Короленко. Не имея перед собой записи их беседы, обнаружить их сейчас в тысячестраничной книге практически невозможно. Впрочем, отдельные подробности угадываются. Так, рассказывая о знакомом Короленко, писателе П. М. Волохове, сосланном в Сибирь за побег, которого тот не совершал! — Кеннан почти дословно повторяет соответствующее место из заявления Короленко с отказом от присяги на верноподданство⁵⁰. Не исключено, что воспоминания Короленко использованы и в главе «Ссылка по этапу», где речь идет об этапных порядках, выборе старосты, организации арестантской артели и т. д. Писатель, который исколесил во времена «тюрем и ссылок» всю Сибирь и при этом сам был старостой «политических», мог рассказать своему гостю много интересного.

Покидая летом 1886 года Нижний Новгород, Джордж Кеннан увозил с собой не только переполненные блокноты. В предисловии к американскому изданию «Слепого музыканта», вспоминая об этой встрече, он писал: «Нет необходимости описывать впечатление, которое он (Короленко. — *Е. М.*) произвел на меня, скажу лишь, что чувство особой теплоты и уважения добавились к тому восхищению, которое я и раньше испытывал к нему как к художнику слова»⁵¹.

НА ПУТИ К ЧИТАТЕЛЮ

Трудно быть беспристрастным...

августе 1886 года Джордж Кеннан возвратился на родину. Следом за ним снесли по шаткому трапу корабля три больших чемодана — его путевой архив. Представляется, что американец дорожил ими не меньше, чем старый Гобсек своими миллионами. И так же, как бальзаковский ростов-

щик, не торопился пустить свое богатство в ход.

Каково же было содержимое чемоданов, и как Кеннан его использовал?

«Русская» часть архива Кеннана, как уже отмечалось, находится в Нью-Йоркской публичной библиотеке. Она содержит более семисот рукописей, среди которых особую ценность представляют тюремные дневники и биографические заметки политических ссыльных, большое эпистолярное наследие, в том числе письма русских писателей, издателей, революционеров, значительное количество периодических изданий, 650 книг и брошюр и около 500 фотографий ¹.

Разумеется, эта бесценная коллекция не могла быть сразу вывезена из Сибири целиком, Кеннан собирал ее многие годы по мере прохождения своего «русского университета». Но не вызывает сомнения, что в тех трех больших чемоданах, которые в августе 1886 года совершили дальний вояж из России в Америку, находилась ее наиболее весомая часть.

Целый год Кеннан потратил на то, чтобы привести в порядок привезенные из России материалы. Он разбирал бумаги, раскладывая их по папкам или конвертам, составлял предметный указатель из десяти

Джордж Кеннан.

Гравированный портрет с рисунка художника Генри Хэндсома. 1891 г

тысяч карточек ко всем своим дорожным записным книжкам, «Сибирской газете», «Восточному обозрению» и различным документам и мемуарам, вывезенным из Сибири ².

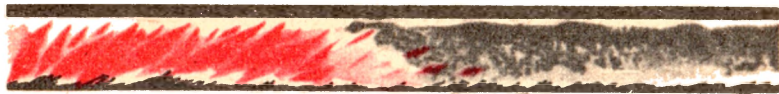
Зачем все это потребовалось?

Люди, близко знавшие американского публициста, свидетельствовали, что доскональное знание материала всегда было для него обязательным условием, без которого он не мог приступить к работе. Как пишет Анна Доус, чтобы проверить один только факт, он готов был потратить целый день ³. Другой американский биограф Кеннана сообщает, что для одной статьи о самоубийствах, написанной для журнала Мак-Клора, он использовал несколько тысяч проиндексированных конвертов, наполненных материалами. Эти конверты были итогом его чтения и размышлений на протяжении сорока лет...⁴

Но не точность ради точности побудила Кеннана к столь длительной и основательной подготовке. За время поездки в Сибирь он убедился в ошибочности своего первоначального предвзятого взгляда и, видимо, уже не решался что-либо утверждать или отрицать без тщательного исследования, сопоставления и проверки. Очевидно также, что сознавая всю значительность затронутого предмета, автор будущей книги не мог не предвидеть и ожидающие его баталии, которые нужно было встретить во всеоружии. В письме к Росузллу Смиту в октябре 1887 года Кеннан говорит, что не намерен скрывать: да, его симпатии — на стороне русского народа, а не правительства России. Однако тут же делает оговорку: «И все же я постараюсь быть беспристрастным» ⁵.

Это трудно — оставаться беспристрастным, когда память и блокноты переполнены ужасающими фактами! Трудно сохранять беспристрастие, когда люди, терпящие нечеловеческие страдания, стали близкими друзьями и когда сам волей-неволей вовлечен в ту борьбу, которую предстоит описать.

В этом смысле позиция Кеннана существенно отличалась от позиции базельского профессора Альфонса Туна, автора известной книги «История революционных движений в России», впервые

увидевшей свет в 1883 году. Отличие тонко подметил Г. В. Плеханов, написав в предисловии к русскому переводу «Истории...», что «Тун был очень далек от того безусловного сочувствия к русским революционерам, которым проникнута знаменитая книга американца Кеннана».

Нет, Плеханов не отрицал добросовестность и объективность немецкого историка, но вместе с тем отмечал, что тот «не сжился с предметом своего исследования, что его сердце не терзалось теми жгучими программными вопросами, над разрешением которых бились русские революционеры»⁶. По существу, Тун был сторонним наблюдателем, тогда как американец не хотел, да и не мог утаить свою заинтересованность...

Таким образом, нельзя не согласиться с современным американским исследователем Ф. Трэвисом, который писал, что если Кеннан и «изменил факты и сгустил атмосферу страха и подозрительности в своем рассказе <...>, он сделал это, будучи уверенным в том, что сохранил дух правды и что драматизация оправдывалась потребностью привлечь симпатии мира к положению русских ссыльных, в особенности политических ссыльных в Сибири»⁷.

«Хижина дяди Тома» сибирской ссылки

система кропотливой подготовительной работы в соединении с незаурядным литературным мастерством, по выражению Феликса Волховского, «обеспечила возможность дать публике серьезное исследование в форме книги, которая читается как роман»⁸.

Первый камень в основание этой книги был заложен в мае 1888 года, когда в XXXIV томе журнала «Сенчури» появилось авторское предисловие к «Сибири и ссылке» и начальная глава — «Через русскую границу». С тех пор новые главы следовали каждый месяц, вплоть до

ноября следующего, 1889 года. Кстати, в комментариях к различным изданиям, где упоминается или цитируется «Сибирь и ссылка», время рождения ее журнального варианта определяют и иначе. Встречаются 1887—1889, 1888—1890, 1889—1891 гг. Такие хронологические неурядицы объясняются довольно просто. Еще находясь на полпути к читателю, американский публицист опубликовал в «Сенчури» так называемую предварительную серию из шести больших статей — своего рода прелюдию к «Сибири и ссылке». В ней он показал некоторые темные стороны русской жизни, объяснил, почему в России существуют подпольные организации и терроризм, рассказал, как обращаются с политическими заключенными перед отправкой в Сибирь. Эта предварительная серия должна была лишь подготовить американских читателей к восприятию книги в целом, но поскольку в содержании статей много общего с основной серией, их иногда включают в ее состав. Отсюда и путаница в датах.

Итак, журнальный вариант книги Кеннана — это 19 статей, опубликованных в 1888—1889 гг. Впоследствии, в 1890—1891 гг., к ним добавились еще четыре, и каждая явилась открытием для американской публики и ошутимым ударом по царизму. В каждой статье изображалась та Сибирь, которую В. Г. Короленко назвал «складочным местом российской драмы». До сих пор эта трижды загадочная сторона была почти неведома читающей публике. И вот теперь к негодованию одних и нескрываемой радости других она в подробностях была описана Кеннаном и, сверх того, запечатлена в рисунках и фотографиях Фроста.

О Джордже Фросте в литературе, посвященной «Сибири и ссылке», говорится мало. В экспедиции «Сенчури» не он играл первую скрипку, это правда. Но было бы несправедливо вовсе умолчать о его заслугах. Сопутствуя своему товарищу, американский художник создал своеобразную художественную летопись сибирской «одиссеи». В его дорожном альбоме запечатлелись не только виды городов, пейзажи и достопримечательности, но и грязные тюремные дворики, этапы и полуэтапы, пароходы и тюремные баржи, будничные сцены из

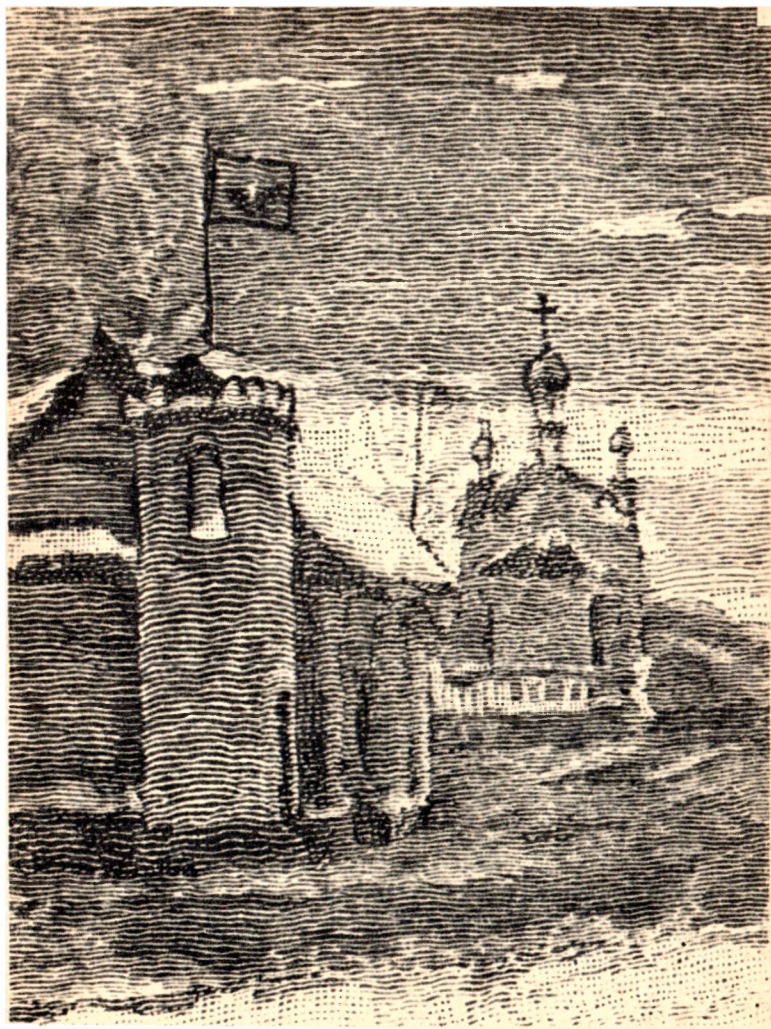

Рисунок Дж. Фроста из книги Кеннана

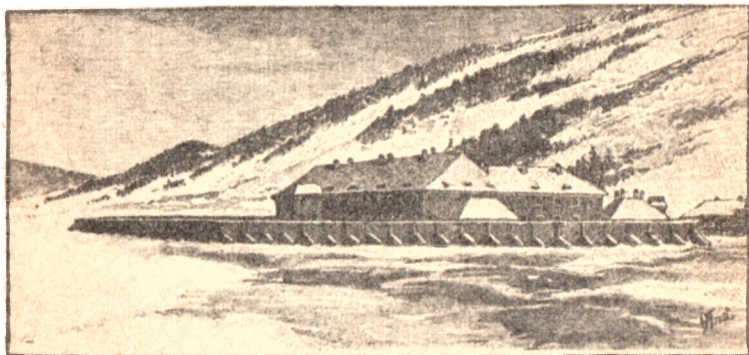
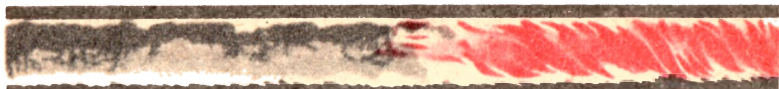

Рисунок Дж. Фроста из книги Кеннана

жизни ссыльных. Некоторые рисунки — «Глоток свободы», «Арестантская партия на грязной дороге вблизи Тюмени», «В рудниках Алгачи» — по своей разоблачительной силе не уступают статьям Кеннана и во всяком случае во многом их дополняют. Таким образом, вклад Фроста в успех «Сибири и ссылки» очевиден.

Влияние этой книги на читателей не без основания сравнивали с воздействием популярного романа Гарриет Бичер-Стоу, и даже называли ее «Хижинной дяди Тома» сибирской ссылки⁹. Учтем, однако, что Бичер-Стоу взволновала Америку рассказом об Америке же, а Кеннан увлек публику, поведав о чужой стране! И не просто увлек.

Публикация журнальных статей Кеннана еще не завершилась, когда большинство американцев уже определило, на чьей стороне правда. «Если вы приедете в Соединенные Штаты к концу будущего года, — уверял американский публицист С. М. Степняка-Кравчинского в письме от 15 октября 1888 года, — вам едва ли удастся найти

человека, который питал бы симпатию к царю или его министрам, но вы найдете миллионы горячо и активно сочувствующих русским революционерам...»¹⁰

Автор «Подпольной России» С. М. Степняк-Кравчинский побывал в Америке. В 1891 году он прочел там цикл лекций о русском революционном движении и русской литературе. Тогда же Степняк напечатал в одном из американских журналов статью под заглавием «Что могут американцы сделать для России». В этой статье он выделил два момента, сыгравших особо важную роль в деле международной солидарности для борьбы с самодержавием. Первый — это появление романов Тургенева, Толстого и Достоевского, познакомивших мир с живой Россией в отличие от России официальной. Второй — появление в «Сенчури» статей Кеннана, с публикацией которых «русский вопрос занял особое место в мыслях и чувствах современного человечества»¹¹.

«Сибирь и ссылка» вызвала мощный поток мыслей и эмоций, дала толчок американскому движению друзей русской свободы, мобилизовала общественное мнение в пользу тех самых нигилистов, одно упоминание о которых еще недавно вызывало здесь ужас и негодование.

«Я гордился бы такими братьями и сестрами...»

ак бы ни был велик тираж «Сенчури» в пору публикации «Сибири и ссылки», а он достиг небывалой для тех лет цифры — 200 тысяч экземпляров¹², фактических читателей журнала было намного больше. По утверждению самого Кеннана, его статьи прочли 1,5—2 млн. человек¹³. Сообщая об этом своим русским друзьям, американец с гордостью отмечал, что получает «сотни писем со всех концов Соединенных Штатов с выражением сочувствия русским революционерам и ненависти и презрения к царскому правительству»¹⁴.

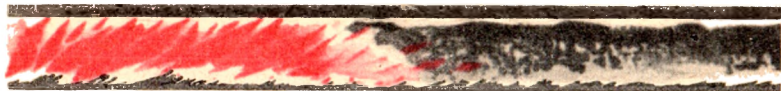
Однако, наряду с радостными известиями, до него доходила и хула. В ответ на публикации «Сенчури», ставшие известными и в Европе, официальные и неофициальные представители царской России за границей с удвоенной силой повели ответную агитационную кампанию, повторяя ходульные наветы на «нигилистов», возводя на них клеветнические обвинения в невежестве, безнравственности и фанатизме.

С подобными же нападками выступили несколько бывших американских дипломатических представителей в России. Кассиус М. Клэй, представлявший вашингтонское правительство при царском дворе в период войны Севера и Юга, в письме к издателю «Сенчури» потребовал в интересах американского народа прекратить печатание «сибирской серии», заявив о недопустимости защиты противозаконных элементов в любой стране. Другой дипломат, генеральный вице-консул в России Вильям Х. Данстон, не остановился даже перед грубыми выпадами против автора «Сибири и ссылки», обвиняя его в стремлении к сенсации и наживе.

Данстон стал первым критиком Кеннана, которому автор «Сибири и ссылки» счел нужным ответить. Ранее он отмалчивался, пообещав Росуэллу Смиту не откликаться даже на самые резкие выпады и предоставлять защиту своего детища другим. Возможно, высокопоставленный оппонент зашел слишком далеко, во всяком случае Кеннан нарушил уговор.

Свой ответ вице-консулу он начал с заявления о том, что ему почти нечего сказать, кроме того, что м-р Данстон «кажется, даже не обладает рудиментарными знаниями предмета, о котором берется судить». И заметил в заключение: «Если консульские отчеты Данстона сделаны с таким же знанием дела, как и его заявления, касающиеся русской тюремной системы, то они мало чего стоят»¹⁵.

В разгар новой антинигилистической кампании, благодаря которой, кстати, «Сибирь и ссылка» продолжала оставаться на виду у американской публики, Кеннан принялся готовить отдельное издание

книги. Легко представить себе, что в памяти его вновь и вновь всплывали встречи на кандалных сибирских трактах, долгие беседы с «невежественными» нигилистами. О чем только не говорили они! О французской революции и об английской литературе, о терроризме и о творчестве Лонгфелло, о сибирской этнографии, о реформах нового американского президента и о многом, многом другом. Кеннан вспоминал своих знакомых ссыльных писателей и ученых: Короленко, Мачтета, Станюковича, Волховского, Каронина-Петропавловского, Иванчина-Писарева, Белоконского, Кропоткина, Клеменца, Чудновского... и, вспоминая, писал:

«Я нахожу глупым... со стороны русских чиновников стараться показать, что революционеры ничтожны в умственном отношении и нравственно развращены... Ни то, ни другое неверно. В отношении образования они гораздо выше соответствующего числа русских официальных лиц, с которыми я имел случай соприкоснуться в России». И далее: «В нравственном отношении русские революционеры, которых я встречал в Сибири, могут с выгодой для себя выдержать сравнение с любой группой лиц обоего пола и той же численности из круга других моих личных знакомств. Я не разделяю мнений всех этих ссыльных, — продолжал Кеннан, — некоторые из них кажутся мне мечтателями, заходящими слишком далеко в своих надеждах и планах относительно будущего своего отечества; иные наделали страшных и роковых ошибок в своих суждениях, другие обнаружили слабость или отсутствие достоинства в час испытаний; тем не менее, я убежден, что такие люди из политических ссыльных, как Волховский, Чудновский, Блок, Леонтьев, Лобановский, Кропоткин, Коган-Бернштейн, Белоконский, Присецкий, Лазарев, Чарушин, Клеменц, Шишко, Наталья Армфельд, Елена Мачтет, Софья Бардина, Анна Павловна Корба и многие другие, назвать которых мне не позволяет место, представляют цвет русской молодежи обоего пола, как бы ни была высока примененная к ним нравственная мерка. Пусть генерал Стрельников*

* В. С. Стрельников, киевский военный прокурор, известный своей крайней жестокостью по отношению к революционерам.

называет их „фанатиками“ и „хищниками“, пусть Галкин-Враский изображает их „жалкими людьми.., социальная развращенность которых так велика, что шокировала бы английский народ, если бы ее перевести на равнозначущие английские выражения“* , но тем не менее, среди этих людей есть лучшие типы мужчин и женщин, каких я когда-либо знавал. Меня связывают с ними только узы сочувствия, но я желал бы, чтобы связывали узы близкого родства. *Я гордился бы такими братьями и сестрами*, и каждый из них, пока они живы, может рассчитывать с моей стороны на всякую услугу, какую только может оказать брат»¹⁶.

Это признание американского публициста, его ответ критикам и противникам прочли потом миллионы читателей. К тому времени русские друзья Кеннана уже успели оценить его бескорыстную помощь в борьбе против самодержавия, и сами они в долгу не оставались.

«Сообщите Кеннану...»

ервое отдельное издание «Сибири и ссылки» в двух томах вышло в свет в Нью-Йорке в декабре 1891 года. Тогда же книга была переиздана в Лондоне¹⁷.

Ныне оба эти издания (они идентичны) можно увидеть только на полках очень крупных библиотек. Два роскошных «волюма» зеленовато-оливкового цвета с золотым обрезом вместили без малого тысячу страниц текста и свыше двухсот иллюстраций. В приложении — список литературы (261 наименование)¹⁸, хроника «деяний» русской цензуры и многочисленные документы — в числе которых «Программа Исполнительного комитета «Народной воли», отчет генерал-губернатора Восточной Сибири царю и т. д.

* Из беседы начальника русского тюремного управления с петербургским корреспондентом лондонской газеты «Times», «Inter Ocean», Чикаго, 16 марта 1890 г. (прим. Дж. Кеннана).

SIBERIA AND THE
EXILE SYSTEM

BY GEORGE KENNAN

VOLUME ONE

LONDON
JAMES R. OSGOOD, McILVAINE & CO.
45 ALBEMARLE STREET
1891

(All Rights Reserved)

Титульный лист первого английского издания

Даже без детального сравнительного анализа заметно, что текст журнальных публикаций подвергся существенной переработке; вместо двадцати трех статей получилось тридцать глав, общий объем произведения увеличился примерно на одну треть, в основном благодаря притоку свежей информации с места событий — из Сибири. Понятно, что кто-то ее посылал. Но кто? Этот вопрос весьма заинтересовал и чиновников из Департамента полиции. Поразмыслив, в мрачном здании на Пантелеймоновской улице, у Цепного моста назвали имя самого активного помощника Кеннана. Имя это нам уже знакомо — Е. Е. Лазарев.

В 17-м томе «Обзора важнейших дознаний, производившихся в жандармских Управлениях империи по делам о государственных преступлениях... за 1892—1893 гг.» о нем говорится: «...находясь в самых близких отношениях со всеми выдающимися представителями эмиграции, Лазарев успел приобрести руководящее значение в направлении революционных поисков и *весьма сблизился с Кеннаном, сделавшись ближайшим советником и руководителем агитационной деятельности названного иностранца, получившего возможность издать свой труд о Сибири лишь благодаря сотрудничеству Лазарева*»¹⁹.

Эта жандармская версия об исключительной роли Е. Е. Лазарева в издании «Сибири и ссылки», принятая и некоторыми современными исследователями²⁰, похоже, не свободна от преувеличений. Ведь ни американец, ни русский революционер-эмигрант никогда не упоминали об этом. Да и встречались они в Америке только один раз (!)²¹.

Конечно, Лазарев помогал Кеннану, но не он один.

В сохранившейся переписке американца с русскими друзьями то и дело встречаются слова благодарности за сообщенные сведения, за присланные материалы и т. д. «Очень любезно было с вашей стороны прислать мне письмо министру внутренних дел девятнадцати политических ссыльных в Сургуте», — писал Кеннан Степняку 15 октября 1888 года и просил помочь ему раздобыть биографические сведения об умерших в Сибири революционерах Наталье Армфельд и

Марии Кутитонской²², с которыми он встречался во время своего путешествия. В последующих статьях Кеннан рассказал об их жизни, и это позволяет думать, что его просьба не осталась без ответа.

Но случалось и наоборот: в Лондоне, Париже и Женеве, центрах русской эмиграции, о том, что происходило в Сибири, узнавали от... американского публициста, которого окольными путями оповещал кто-то из его многочисленных тайных корреспондентов. Это мог быть карибский каторжник, ссыльно-поселенец из Якутии или узник Тюменской пересыльной тюрьмы. Хорошо известно, что и в царских застенках испытанные революционеры продолжали борьбу. Помощь автору «Сибири и ссылки» была одной из форм борьбы.

Огромный международный авторитет и известность Кеннана к началу 90-х годов позволяли надеяться, что он сделает все, чтобы остановить «зрачок мира» на очередном злодеянии царизма. ...22 марта 1889 года в Восточной Сибири произошло спровоцированное властями кровавое столкновение ссыльных с полицией и войсками, вошедшее в историю под названием Якутской трагедии. Трое ее участников были впоследствии казнены по приговору военно-полевого суда. Один из них, народоволец Николай Зотов, в предсмертной записке товарищам писал: «...наша смерть не должна пропасть даром; сообщите Кеннану...»²³.

«Разоблачил перед всем миром...»

спомним сказанное Фридрихом Энгельсом: «Кеннан *разоблачил перед всем миром* все те гнусные методы, при помощи которых царизм в собственной империи подавляет всякую попытку к сопротивлению»²⁴. «...Разоблачил перед всем миром...»

Не преувеличение ли это?

Обратимся к двум письмам Джорджа Кеннана, адресованным С. М. Степняку-Кравчинскому. Первое написано 3 декабря 1888 года, т. е. более чем за год до опубликования статьи Энгельса

«Внешняя политика русского царизма», отрывок из которой процитирован выше.

«Мои статьи в „Сенцури“, — пишет автор, — читаются, видимо, по всей Европе. Я имел письма из Англии, Ирландии, Германии, России, Австрийской Польши и Азиатской Турции. Петербургское „Новое время“ дало рецензии на три из этих статей размером на два столбца каждая²⁵, и три больших обзора только что появились в берлинском литературно-политическом журнале „Ди Национ“»²⁶.

Минуло два с половиной года, и накануне выхода отдельного издания «Сибири и ссылки» Дж. Кеннан 29 апреля 1891 года вновь извещает Степняка о реакции своих читателей: «Я получил за последние два-три дня письма от людей из такой дали, как Вена и Сидней, Новый Южный Уэльс, по поводу моих статей и с вопросами, как помочь ссыльным. Одно из них, прибывшее сегодня от некоего венского юриста, я пошлю вам, как только найду время снять с него копию. Письма показывают, что интерес еще не ослабел...»²⁷

О том же говорят отзывы иностранной печати, которые со всей тщательностью изучали в Петербурге, в уже известном нам здании у Цепного моста. В полицейских делах сохранились вырезки и рукописные переводы нескольких десятков статей из различных западноевропейских и американских газет²⁸.

Еще большей осведомленностью на сей счет отличались чиновники Центрального комитета цензуры иностранной. В 1894 году, например, они «процензировали» 90 054 номера французских, немецких, английских, итальянских, греческих и славянских изданий²⁹. В результате был составлен секретный «Обзор статей иностранной периодической печати о внутреннем положении России, династии Романовых и членах царской семьи». В 12-й главе «Обзора», которая в целом посвящена революционному движению, имя Кеннана встречается довольно часто. Здесь же сообщается, что «положение политических преступников в сибирских рудниках, утратившее уже давно для иностранных читателей прелесть новизны..., все-таки в 1894 году было одною из модных тем на страницах западной печати»³⁰.

JERZY KENNAN.

SYBERYA

przełożył

autor „Wspomnień więźnia”.

Serya druga.

(Wydanie drugie.)

L W Ó W.
NAKŁADEM TŁÓMACZA.
1 8 9 2.

Титульный лист польского издания в переводе Флориана Богдановича

Тема оставалась актуальной и десятилетие спустя, когда в июле 1904 года в Германии в угоду русскому царю был устроен так называемый кенигсбергский судебный процесс над девятью немецкими социал-демократами. Их обвиняли в распространении нелегальной литературы, предназначенной для России, и на этом основании — в государственной измене и оскорблении царской особы. Процесс получил мировой резонанс, тем более, что защита сумела превратить его в обвинительный акт против политического строя России³¹.

В качестве адвоката в Кенигсберге выступал вождь немецкого пролетариата Карл Либкнехт. Интересно, что в своей защитительной речи он опирался на широкоизвестный «опыт» автора «Сибири и ссылки»: «Американец Кеннан, — говорил он, — однажды предпринял поездку в Россию, чтобы рассеять предрассудки в отношении Сибири и России. Он отправился в путь для того, чтобы благословлять, а вернулся обратно с тем, чтобы проклинать». По мнению Либкнехта, в таком же положении оказались теперь обвинители. «И вы, — обращался он к судьям, — отправились в путь для того, чтобы благословлять, а теперь вам придется проклясть варварскую Россию»³². Так книга Кеннана в очередной раз помогла разоблачить деспотизм.

«Сибирь и ссылка» была переведена на все основные европейские языки.

Первые переводы начали появляться еще до выхода в свет отдельного издания и расходились, как правило, очень быстро. Потребность в этой книге была такова, что в Австрийской Польше, например, она трижды переиздавалась. Два издания, кстати, осуществил сам переводчик, обозначенный на титульном листе как «автор воспоминаний узника»³³. Этот псевдоним принадлежал бывшему карийскому каторжнику, профессору Львовского университета Флориану Богдановичу³⁴.

Большое распространение «Сибирь и ссылка» получила и в Германии, где в начале 90-х годов почти одновременно были опубликованы четыре разных перевода. При этом издатели нажили колоссальные

барыши. Один из них потом хвастал, что купил дом стоимостью в сто тысяч долларов исключительно благодаря прибыли от продажи книги Кеннана³⁵.

Огромным успехом произведение американского публициста пользовалось в Болгарии, куда русская заграничная революционная литература проложила себе дорогу еще во времена Герцена и Чернышевского. Живший там в эмиграции революционер В. Луцкий сообщал 18 января 1890 года П. Л. Лаврову: «Книга Кеннана „Сибирь и ссылка“ произвела между братушками самое лучшее впечатление. От нее настолько в восторге, что она даже переводится помимо нашего влияния на болгарский язык...»³⁶. Здесь в 90-е годы вышло пять переводов. Отзывы о них появились на страницах местной печати³⁷. И только в царской России книга Кеннана оставалась «безусловно запрещена»³⁸. Однако это вовсе не означает, что ее не читали подданные Александра III. Как же она попадала в Россию?

«СИБИРЬ И ССЫЛКА» В РОССИИ

Обычные конверты... с крамоллой

распространении «Сибири и ссылки» в России непосредственное участие принимал автор. Он разработал вполне надежный план пересылки своих статей через границу. План этот он в общих чертах изложил Росуэллу Смиту в письме от 29 мая 1888 года:

«Я и не думаю пытаться, — пишет Кеннан, — послать в Россию сразу большое количество оттисков. Они никогда не минуют границы. Что я собираюсь сделать, это поддерживать поток, идущий в заказных письмах, пока правительство каким-то образом не помешает этому. Тогда я изменю курс потока или методы доставки.

Царь в России полагает, что он всемогущ в своей собственной стране, но есть некоторые вещи, которые даже он не в силах сделать. Одна из них — мешать импортированию и распространению того, что его министры любят называть «крамольной» литературой. Российская полиция не в состоянии контролировать всю заграничную почту, а пока они не смогут сделать этого, они не смогут приостановить проникновение печатных листов в письмах. Предположим, что они действительно сумеют изъять все письма, написанные моей рукой. Тогда я просто попрошу кого-либо другого подписать и отправить мою корреспонденцию в Россию. Предположим, они будут изымать все заграничные письма, адресованные ссыльным и неблагонадежным... Тогда я отправлю их издателям, адвокатам и профессорам университетов, находящимся вне подозрения, которые обещали доставлять такие письма в места назначения. До сих пор не перехвачено ни одно из моих заказных писем. Русские либералы проявляют

большой интерес к этим статьям, и, конечно, если бы только было возможно получить журналы, не вымаранные цензурой, у Вас бы вскоре составилась целый список русских подписчиков. А так как на деле это неосуществимо, то статьи скорее всего будут тайно копировать на гектографе или изготовлять литографские оттиски в Москве или Петербурге и в такой форме распространять по всей империи»¹.

Статьи Кеннана действительно проникали в Россию в обычных почтовых конвертах, но некоторые становились добычей «черных кабинетов». Так, два конверта, адресованных в Казань, в редакцию «Биржевого листка», и в Иркутск, в редакцию «Восточного обозрения», в феврале 1890 года были перехвачены казанской секретной экспедицией и вместе с содержимым отправлены в Петербург «для ознакомления»². Наверняка подобных случаев было немало: Кеннан недооценил любознательность и усердие российских шпекиных. И все-таки переводов «Сибири и ссылки» на русский язык в продолжение 90-х годов нелегально ввозилось в Россию все больше; да и в самой империи запретная книга не миновала типографского станка...

В журнале для семейного чтения...

1888 году отрывки из «Сибири и ссылки» впервые были напечатаны в России. И не просто в России, а в самом Петербурге!

Казалось бы, тут должен последовать рассказ о том, какие мытарства испытал смельчак-издатель. Однако на этот раз ни цензурных, ни других мытарств не наблюдалось, и издателя смельчаком назвать тоже трудно.

Три очерка Кеннана, перепечатанные из «Сенчури», увидели свет под обложкой журнала «Новь»³ — общедоступного иллюстрированного двухнедельного вестника современной жизни, литературы, науки и прикладных знаний, издаваемого в столице А. М. Вольфом.

Журнал этот предназначался для семейного чтения и отнюдь не входил в число передовых. Вполне благонамеренным человеком слыл и его издатель.

Чем же объяснить публикацию в «Нови» запретных статей американского публициста и как трактовать столь редкую снисходительность столичной цензуры?

Печатая «впечатления и наблюдения английского (!?) путешественника», Вольф с полным основанием рассчитывал повысить интерес к своему изданию и, таким образом, увеличить число подписчиков. Что же касается цензуры, то тут недоумевал и сам автор «Сибири и ссылки». Сообщая 4 июля 1888 года Росуэллу Смиту о похвальных откликах на свои статьи, напечатанные в «Новом времени», Кеннан писал: «Я не берусь объяснить, почему один русский цензор изымает мои статьи из журналов при пересылке через границу, а другой — позволяет помещать в Санкт-Петербургской прессе вышеприведенные отклики. Я только знаю, что трудно придумать лучший способ привлечь к ним внимание по всей империи. И, если это только не преднамеренный расчет, то, конечно, непредвиденный случай удивительного везения»⁴.

Скорее всего, то был не расчет, а просчет. (В сходной ситуации В. Г. Короленко однажды заметил, что «Россия только и жива чиновничьей непоследовательностью»⁵.) В 1888 году Кеннана еще могли «проглядеть», тем более, что предприимчивый издатель снабдил публикуемые материалы сравнительно нейтральными заголовками: «На пути в Сибирь», «Первое знакомство с Сибирью», «Степи Иртыша». Правда, вскоре после завершения кеннановского цикла⁶ в той же «Нови» появилась анонимная заметка «Джордж Кеннан и его путешествие». Написанная в полном соответствии с канонами жандармской словесности, она содержала грубые нападки на американского публициста и явилась запоздалой попыткой в какой-то степени исправить положение.

Три статьи в «Нови» оказались единственной легальной публикацией книги Кеннана в России на протяжении 80-х и 90-х годов.

НОВЬ

Т. XXIII

15 ПОЛЯ 1888 г.

№ 18

ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО СЪ СИБИРЬЮ

ВПЕЧАТЛЕНИЯ И НАБЛЮДЕНИЯ АНГЛИСКАГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА

ДЖОРДЖА КЕННАНА

ОБЪЕДИНЕН-
ноинострани-
цы представ-
ляют себѣ
Сибирь не-
чуждою
страною, по-
тому, будто-
бы, большую
часть года
покрытысь
гольм, выд-

еть рѣдкое население, состоящее изъ
тюрки подлинныхъ ибортеговъ и мле-
сы семьмыхъ. Какъ удивляеь-бы они,
узнавъ, что Сибирь — это цѣлый конти-
нентъ, чрезвычайно разнообразный въ геог-
рафическомъ, организмическомъ и антро-
логическомъ отношеніяхъ пространству,
занимаемое отъ континентомъ, во много
разъ превосходить пространства многихъ
европейскихъ государствъ. Если-бы вѣсть
Сѣверо-Американскіе Штаты и цѣлкомъ
зобмѣтитъ ихъ въ центрѣ Сибири, то оста-
лось-бы еще довольно мѣста для цѣлой
Европы, да неключеніемъ Россіи.

Въ подтвержденіе этого, мы прилагаемъ
слѣдующую сравнительную таблицу:

Сибирскія губерніи:	вадвр. миль
Тобольская	570,200
Томская	333,542
Степная губерніи	560,324
Енисейская	962,874
Иркутская	1,517,132
Забайкалье	240,781
Примурскій край	238,471
Приморскія владѣнія	730,024
Чукоцкая	209,101
	<hr/> 5,193,020

Европейскія государ. и Австріи.	вадвр. миль
Соединен. Шт. съ Аляскою	3,501,404
Австро-Венгерія	240,942
Бельгія	11,373
Данія	11,124
Франція	264,177
Германія	211,100
Великобританія	120,852
Греція	92,011
Италія	110,020
Черногорія	3,620
Нидерланды	12,618
Румынія	48,307
Испанія	100,100
Швейцарія	15,852
Европейская Турція	125,280

Нач. XXIII 18

1-6

Начало публикации очерков Кеннана в журнале «Новь»

Несомненно, «диверсия» Вольфа побудила власти еще больше усилить бдительность, но ощутимого урона царизму она не нанесла. И все-таки «Сибирь и ссылка» продолжала поступать в Россию.

Книги... из «черного списка»

Первый перевод «Сибири и ссылки» на русский язык осуществил в 1890 году парижский социально-революционный литературный фонд⁷. Перевод был неполным: его сделали не с отдельного издания (которого еще попросту не было), а со статей в «Сенчури». К тому же материальные затруднения при издании на чужбине больших русских книг также побудили переводчика, революционера-эмигранта И. Н. Кашинцева, прибегнуть к сокращениям, на что он сам указывает в предисловии к переводу⁸.

Зато эта книга (кстати, отпечатали ее не в Париже, а в Женеве, в вольной русской типографии) явилась вовремя и была замечена как самими революционерами (отклик Г. В. Плеханова уже приводился), так и «скромными штопальщиками<...>режима» (термин И. Н. Кашинцева)⁹.

«Штопальщики», как водится, откликнулись новыми циркулярами и секретными отношениями. В одном из них директор Департамента полиции Н. И. Петров доводил до сведения Главного управления по делам печати о появлении книги Д. Кеннанова (!) «Родной Север», которая издана не в Москве, как это указано на титульном листе, а за границей, и «представляет из себя перевод на русский язык безусловно запрещенной к обращению книги Джорджа Кеннана «Сибирь и ссылка»¹⁰.

Здесь речь как раз идет о парижском издании, часть тиража которого была замаскирована именно таким образом.

В том же 1890 году вышло в свет и лондонское издание русского перевода книги Кеннана¹¹. Впрочем, «лондонским» его можно назвать только условно. При подготовке 2-го издания «Сводного каталога

ЮРИЙ КЕНАН.

С И Б И Р.

Переклав **В.**

ВИДАНО ТОВАРИСТВОМ ІМЕНІ ШЕВЧЕНКА.

Частина друга.

ЛЬВІВ, 1893.

З друкарні Товариства імені Шевченка
на зарадки К. Бодирського

Титульный лист второй части украинского издания

русской нелегальной и запрещенной печати XIX века» выяснилось, что первый том отпечатан опять-таки в Женеве, в типографии группы «Освобождение труда». Местом же рождения второго тома, как было установлено совсем недавно, следует считать типографию Спиро Гулабчева в болгарском городе Руссе¹².

Еще год спустя «Сибирь и ссылка» была переведена на русский язык Г. Руэ и А. Вольфом в Берлине и там же издана под названием «Сибирь!»¹³. Берлинское издание неоднократно перепечатывалось.

Особый интерес вызывает выявленный в фондах Центральной научной библиотеки Академии наук УССР перевод «Сибири и ссылки» на украинский язык. Он издан во Львове, на территории тогдашней Галиции, которой до 1906 года принадлежала ведущая роль в издании книг, газет и журналов на преследуемом царизмом украинском языке. На титульном листе этой редкой книги (ее нет даже в Библиотеке имени Ленина) значится: «Юрий Кенан. Сибір. Переклав В.».

Это единственный известный в настоящее время перевод «Сибири и ссылки» на языки народов СССР. Пока не обнаружены какие-либо достоверные данные об истории его публикации, о переводчике и т. д. Удалось только установить, что сразу же после выхода в свет «Сибір» угодила в список революционных изданий, напечатанных за границей¹⁴. Ранее в этот «черный список» попали и переводы книги Кеннана на русский язык.

«Настоящая библия...»

се заграничные переводы «Сибири и ссылки» на русский язык были, как правило, «карманного» формата, печатались на тонкой бумаге и предназначались прежде всего для нелегального распространения в империи. Поскольку некоторые издания подобно «парижскому» выходили под вымышленными загла-

виями, Департамент полиции время от времени настоятельно побуждал родственные ему учреждения усилить бдительность.

Усилили. Начальник главного управления по делам печати Е. М. Фектистов 18 мая 1894 года в секретном отношении уверял, что «сделано распоряжение по иностранной цензуре относительно цензурования с особой строгостью всех заграничных изданий, касающихся описания Сибири, хотя бы из заголовка их и по другим анонимным признакам не усматривалось, что автором их является известный публицист Кеннан»¹⁵.

Но одно дело уверить, а другое — осуществить на деле.

В угольных трюмах пароходов, в фурах контрабандистов, чемоданах с двойным дном заграничные издания «Сибири и ссылки» все же проникали в пределы Российской империи. Здесь они, как и предполагал Кеннан, размножались на гектографе, распространялись в литографских копиях, переписывались на машинке, а порой и просто от руки.

Главными центрами распространения были, как следовало ожидать, обе столицы. В январе 1893 года московское жандармское управление получило письмо за подписью «Рабочий», в котором сообщалось, что некая Ионова, живущая на Спиридоновке, в доме Жарковой, переписывает Кеннана на машинке Ремингтон. К. Ионова была членом кружка украинофилов, которым руководил А. Е. Крымский (будущий академик)¹⁶.

4 июня 1896 года начальник Астраханского губернского жандармского управления доносил в Петербург, что при обыске у секретаря местного отделения государственного банка А. В. Акопова среди прочего была найдена книга Георга Кеннана «Сибирь» (Берлин, 1891). В ходе дознания Акопов показал, что купил эту книгу весной 1890 или 1891 года в Москве, в книжном магазине на Кузнецком мосту¹⁷.

В том же 1896 году «Сибирь и ссылку» изъяли у социал-демократа Леопольда Рума, арестованного на Курском вокзале в Москве¹⁸. 31 января 1898 года тетрадь с началом перевода книги Кеннана полиция обнаружила у сестер Федоровых, членов петербургской группы социалистов-революционеров¹⁹.

Хорошо знали «Сибирь и ссылку» на Украине. Д. Петренко — свидетель первых шагов киевской социал-демократии, называет ее в числе той «нелегалщины», которая ходила по рукам²⁰. О том же пишет в своих записках И. Н. Мошинский (Юзеф Конарский), участник марксистских кружков в Киеве и в провинции²¹.

В Сибири отклики на книгу Кеннана проникли даже в местную периодическую печать. Отдельные статьи из «Сенчури» были известны здесь еще в конце 80-х годов. Некоторые ссыльные получали их непосредственно от самого автора²².

По-видимому, позднее дошли сюда нелегальные и заграничные издания.

Москва, Петербург, Киев, различные провинциальные губернии, Сибирь — один лишь перечень этих обширных территорий, далеко не полный, свидетельствует о том, сколь тщетны были усилия охранительных учреждений царизма остановить распространение запретной книги и сколь велика была ее популярность. Много лет спустя М. И. Калинин в беседе с племянником автора «Сибири и ссылки», тогдашним американским послом в СССР Д. Ф. Кеннаном вспоминал, что «эта книга была настоящей библией для ранних революционеров».

По словам д-ра Кеннана, об этом же ему говорили и другие старые большевики²³.

«Суждения... Kennan'a поучительны...»

отличие от американцев и западноевропейцев, граждане Российской империи должны были бы знать достаточно о Сибири, но оказалось, что и для них предмет кеннановского исследования за редким исключением был скрыт за семью печатями... «Мы совершенно не знаем, что такое тюрьма и что такое ссылка. Взгляните-ка на нашу литературу по части тюрьмы и ссылки: что за нищенство! Две-три статейки, два-три имени, а там хоть

шаром покати, точно в России нет ни тюрьмы, ни ссылки, ни каторги». Эти слова принадлежат автору «Острова Сахалина»²⁴. Прежде чем отправиться в далекое путешествие, Чехов внимательно ознакомился с трудами предшественников.

Быть может, в полемическом порыве писатель несколько преувеличивал скудость материала по этой теме, но, по существу, он был, конечно, прав. О ссыльной Сибири брались писать немногие. А те, кто брались (С. И. Турбин, Н. В. Шелгунов, В. В. Берви-Флевровский, С. С. Шашков, Н. М. Ядринцев и др.), касались общих вопросов ссылки или же ограничивались рассмотрением ее как исправительной меры для уголовников и ее роли в колонизации края.

О политической ссылке все они вынуждены были умалчивать²⁵.

Некоторое исключение составляли труды известного русского этнографа, фольклориста и писателя С. В. Максимова, автора статьи «Политические ссыльные» («Отечественные записки», 1869, № 8) и обстоятельного трехтомного исследования «Сибирь и каторга» (Спб., 1871). С. В. Максимов много странствовал по Сибири и, наверное, лучше других изучил «складочное место российской драмы». В своей книге он подробно излагает историю каторги и ссылки за два столетия по 60-е годы XIX века включительно. Многие страницы рисуют жуткие картины невольничьей жизни сибирских изгнанников. Вместе с тем автор-либерал питал иллюзии относительно «многочисленных случаев прощения» и ошибочно полагал, что «каторжные работы в Сибири исчезли»²⁶.

Незадолго до поездки Кеннана в Россию в Москве были изданы записки писателя-народника М. И. Орфанова²⁷, который так же, как и автор «Сибири и каторги», много лет провел за Уральским хребтом. О Сибири Орфанов пишет интересно и со знанием дела, но лишь в немногих случаях обращается к жизни политических ссыльных. По справедливому замечанию С. В. Максимова, написавшего предисловие к этой книге, «в особенности рельефно и правдиво описан быт тех людей, которые по сибирскому присловию: „едят прошенное, носят брошенное, живут краденым“»²⁸.

Все это объясняет, почему книга американского публициста для большинства явилась чем-то вроде нового открытия Сибири и вызвала колоссальный интерес русской общественности, в том числе и передовых русских писателей.

Одним из первых заметил и оценил «Сибирь и ссылку» Л. Н. Толстой. В ноябре 1888 года, прочитав в журнале «Сенчури» статью Кеннана о политических ссыльных Томска, Лев Николаевич записал в дневнике: «Суждения о Русском правительстве у Кеппап'а поучительны: мне стыдно было бы быть царем в таком государстве, где для моей безопасности нет другого средства, как ссылать в Сибирь тысячи и в том числе 16-летних девушек»²⁹. Проходит менее двух месяцев, и в дневнике появляется новое признание: «Дома читал Кеннана и страшное негодование при чтении о Петропавловской крепости. Будь в деревне, чувство это родило бы плод...»³⁰

Толстой находился в это время в Москве, был вынужденно втянут в суету столичной светской жизни с ее визитами, зваными обедами и балами. Но то чувство, которое он испытал при чтении статей своего недавнего гостя, все-таки принесло плоды: это произошло позже, когда писатель завершал «Воскресение», последние главы которого представляют мощное обличение системы ссылки в России.

Стремясь к максимально достоверному изображению арестантского этапа в Сибирь, Толстой тщательно изучал литературу, посвященную сибирской ссылке. В частности, работая над пятой редакцией романа, он перечитывал популярные тогда книги П. Ф. Якубовича-Мельшина («В мире отверженных», 1896), Н. М. Ядринцева («Русская община в тюрьме и ссылке», 1872), Д. А. Линева («По этапу», 1886). Но более всего совпадений в тексте романа с книгой Кеннана³¹. Примечательно, что автор «Воскресения» предпочел «Сибирь и ссылку» имеющимся в его распоряжении произведениям русских писателей и ученых.

Лев Толстой не был единственным русским писателем, испытавшим на себе влияние книги Кеннана. Когда в последние годы

жизни В. Г. Короленко работал над «Историей моего современника», произведение американца постоянно находилось у него под рукой³². В годы появления «Сибири и ссылки» в иностранной печати с ней познакомился и Чехов. Современный исследователь допускает, что это дало дополнительный импульс к его решению отправиться на Сахалин³³. Подобно Кеннану, Чехов стремился привлечь внимание общества к еще одному «гиблomu месту» России.

Мария Константиновна Цебрикова, забытая ныне писательница и общественный деятель второй половины XIX века, в конце 1889 года тайно отпечатала за границей брошюру «Каторга и ссылка» и «Письмо к Александру III». Вернувшись на родину, она сделала все, чтобы как можно шире распространить оба произведения, за что и была сослана в Вологодскую губернию. По свидетельству С. А. Венгерова, лишь шестой десяток лет спас писательницу от более суровой кары. ...По «закону» ее ждала каторга³⁴. Описывая в «Письме к Александру III» многочисленные злоупотребления властей, говоря о «систематическом выпалывании талантливого юношества руками государственной полиции», о науке, «преподаваемой в полицейских целях», Цебрикова прямо ссылалась на разоблачения Кеннана³⁵. Ему же она отправляет один экземпляр своего воззвания с просьбой опубликовать его в Америке: «По всей вероятности это письмо будет последним, которое Вы получите от меня, — говорится в ее обращении к американскому публицисту, — я кончаю его с чувством глубокой и искренней благодарности за все то, что Вы сделали для наших сибирских ссыльных и заключенных...»³⁶.

А теперь вспомним об иной категории читателей «Сибири и ссылки», о тех, чье внимание к этой книге диктовалось прежде всего «служебной необходимостью».

ЕДИНОБОРСТВО

«Дело Департамента полиции...»

феврале 1890 года С. М. Степняк-Кравчинский сообщил из Лондона в Париж П. Л. Лаврову: «Кеннан (...) высказался за создание журнала в Лондоне на филладельфийском митинге 24 ноября; и там составлены какие-то общества. Но подробности мне неизвестны»¹.

Подробности можно почерпнуть из дела Департамента полиции, озаглавленного «О лекциях по вопросу ссылки в России, читанных в Филадельфии Ж. Кеннаном»². Суть происшедшего изложена в послании директора Департамента полиции П. Н. Дурново начальнику Главного тюремного управления М. Н. Галкину-Враскому. Между ним и письмом Степняка всего десять дней разницы.

«Конфиденциально.

Милостивый государь Михаил Николаевич!

В г. Филадельфии вследствие лекций, читанных по вопросу ссылки в России известным Вашему превосходительству Жоржем Кеннаном, образовалось общество, задавшееся целью противодействовать путем протестов и печатного слова жестокостям, допускаемым будто бы русским правительством в отношении политических ссыльных и заключенных.

Означенное общество напечатало ныне воззвание на английском языке, рассылаемое по почте в редакции газет, в котором, между прочим, значится, что петиция по этому поводу будет предъявлена нашему правительству через посредство имеющей собраться конференции по тюремному вопросу»³.

Из приведенного письма, а также из других документов, содержащихся в полицейском досье, следует, что царские власти были серьезно озабочены широким размахом агитационной деятельности Кеннана. По данным Департамента полиции, только за четыре года (с 1888 по 1891) он прочел в Америке около 500 лекций, на которые собиралось иногда до 6—7 тысяч слушателей ⁴.

Несомненно, что успех Кеннана-лектора был в большой мере предопределен его успехом в качестве публициста, и в то же время многочисленные выступления усиливали популярность его книги. «Несмотря на почти механический труд чтения одних и тех же лекций, — пишет Лазарев, — Кеннан всегда до того проникался сюжетом, который излагал, до того оживлялся и сам волновался при своих воспоминаниях, что часто вызывал в публике слезы при описании положения политических ссыльных и каторжан и крики негодования против русского правительства, допускавшего постыдные насилия над бесправными и беззащитными людьми...» ⁵

Однажды после окончания лекции Кеннана о карийской каторге в зале поднялся один из слушателей, в котором собравшиеся узнали знаменитого Марка Твена. Обычно невозмутимый и хладнокровный, он на этот раз был очень взволнован. «Если динамит — это единственное средство в подобных условиях, — заявил Твен во всеуслышанье, — то да будет благословен господь за динамит» ⁶.

Вернемся, однако, к письму Дурново. Его внешне беспристрастный тон может навести на мысль, что охранители режима при всей их озабоченности выступали преимущественно в роли пассивных наблюдателей. На самом же деле все обстояло иначе. Было приложено немало усилий, чтобы ослабить впечатление, произведенное выступлениями Кеннана, опровергнуть его свидетельства, его данные. Отрицались даже очевидные факты, например, история Надежды Сигиды, покончившей с собой на Каре после того, как ее подвергли унижительному наказанию розгами. Вина за «Якутскую трагедию» была свалена на самих ссыльных ⁷. И хотя эту клевету опровергли Степняк и Волховский в интервью агентству «Ассошиэйтед Пресс», Кеннан тоже

выступил при посредстве того же агентства. «Если только русское правительство согласится, — говорилось в его декларации, — и будет готово посмотреть фактам в лицо, то я возьмусь обосновать на тюремном конгрессе все те обвинения, которые я против этого правительства выставил. Для подтверждения своих обвинений я готов доставить свидетелей и уплатить все соответствующие по этому делу расходы»⁸.

Речь здесь шла о IV международном тюремном конгрессе, который проходил в Петербурге с 3 по 12 июня 1890 года. Ясно, что его организаторы сделали все возможное, чтобы не допустить новых разоблачений. «Наши отцы-командиры не приняли вызова, — пишет Волховский. — Косвенным же, но красноречивым ответом на него было правительственное требование, предъявленное тюремному конгрессу как «*Conditio sine qua non*»* его съезда в Петербурге, не касаться ни сибирской ссылки вообще, ни обращения с политическими ссыльными в частности»⁹.

Чтобы ослабить эффект, произведенный во всем мире книгой Кеннана и прочитанными на ее основе лекциями, к открытию конгресса было специально написано десятилетнее обозрение деятельности Главного тюремного управления России и приготовлена для его участников разнообразная и обширная программа, большей частью... увеселительная¹⁰.

В довершение всего некоторым иностранным делегатам, чья лояльность по отношению к царскому правительству была известна, поручили описать свои впечатления. «Впечатления» были немедленно изданы, переведены на ряд иностранных языков и повсеместно распространены. Однако и на сей раз желаемый результат не был достигнут. Сами же инициаторы «дипломатической» акции вынуждены были признать, что все эти «отчеты», «отзывы» и «статьи» не произвели никакого воздействия и что «новые издания книги Кеннана не только продолжались, но и отдельные извлеченные из этой книги

* Непременное условие (*лат.*).

1894 ГОДА.

3/11/14 111
З ДѢЛОПРОИЗВОДСТВО.

ВХОДЯЩІЙ № 3852

ДѢЛО № 1/14

ЧИСЛО: 9/11

ФАМИЛІЯ: Кеннанъ

ИМЯ.

ОТЧЕСТВО.

ЗВАНІЕ.

МѢСТО ЖИТЕЛЬСТВА.

6/11/14

Дело Департамента полиции
«О гражданине Северо-Американских Штатов Джордже Кеннане»

данные послужили к изданию особых монографий, создав, таким образом, целую на кеннановской почве литературу»¹¹.

Безымянные сотрудники реакционного «Русского вестника» (именно им принадлежит цитированное выше признание) нисколько не преувеличивали: после опубликования «Сибири и ссылки» на Западе вышли описания путешествий в Сибирь Лайонэла Гоуинга и Юлиуса Прайса и много других книг о Сибири и русском революционном движении, авторы которых прямо или косвенно объявляли себя сторонниками Кеннана¹².

Итак, «кеннановская» литература действительно существовала, но одной литературой дело не ограничивалось. Итальянский композитор Умберто Джордано создал оперу «Сибирь» по мотивам книги Кеннана. В этом же жанре намеревался писать о Сибири и его соотечественник и собрат по искусству — Джакомо Пуччини. Советский историк профессор Н. А. Троицкий, обнаруживший недавно эти факты, допускает, что и в последнем случае источником вдохновения могло служить произведение американского публициста¹³.

«М-р Кеннан нет справедлив...»

а первой попыткой дискредитировать Кеннана и его детище последовала вторая, третья... При этом в Петербурге решили еще раз прибегнуть к услугам «варягов» — иностранных журналистов. Одного из таких пособников самодержавия в борьбе с автором «Сибири и ссылки» изобразил Лев Толстой в заключительной главе «Воскресения».

«Англичанин, — пишет Толстой, — был здоровый, толстый, румяный человек, очень дурно говоривший по-французски, но зато замечательно прекрасно и ораторски внятно и внушительно по-английски. Он давно уже путешествовал и везде чувствовал себя дома. Он выставлял себя сторонником России, но давал почувствовать, что он был ее сторонником относительно нападавших на нее, но не

забывал того, что страна все-таки варварская, хотя и не лишенная возможности некоторого совершенствования. *Он объезжал теперь Сибирь с тем, чтобы написать книгу, отрицающую Кеннана.* Кроме того, он был евангелик и раздавал по острогам евангелия и проповедовал спасение искуплением, так что делал два дела сразу»¹⁴.

Уже одна интонация отрывка не оставляет сомнений в том, какие чувства испытывает автор к этому своему персонажу. Ирония Толстого легко объяснима: он-то ведь знал, что материалы, собранные Кеннаном, непроверяемы, а утверждения апологетов царского правительства лживы.

Комментаторы «Воскресения» не прошли мимо этого персонажа. Прототипом «англичанина», по мнению английского исследователя Роберта Латимера, был известный проповедник, доктор Бедекер, немец по происхождению, издавна переселившийся в Англию. Он, по утверждению Латимера, был единственным англичанином, имевшим неограниченное разрешение на посещение русских тюрем в Европе и Сибири¹⁵. Но Латимер ошибался:¹⁶ еще два соотечественника Бедекера обладали в то время подобными привилегиями. Имя одного из них — Генри Лэнсдейла¹⁷ — упоминалось на страницах этой книги. О другом в сентябре 1890 года писала газета «Восточное обозрение»:

«21 августа на пароходе „Коссаговский“ из Томска отправился г. Windt, путешествующий по России для осмотра русских тюрем. Г. Виндт года два назад проехал из Петербурга на запад и описал свое путешествие в книге „From Pekin to Kale by Land“. В видах разъяснения полемики о русских тюрьмах, возбужденной статьями Кеннана и г-жи Новиковой (реакционная русская публицистка, жившая в Англии. — Е. М.), газета „Morning Post“ поручила г. Виндту собрать новые сведения по этой части. Г. Виндт, заручившись разрешением и покровительством г-на Галкина-Враского, вновь посетил Россию. Доехав до Томска и осмотрев здешние тюрьмы, он отсюда намерен проехать с этой же целью осмотра тюрем в Харьков и Одессу»¹⁸.

Из приведенного сообщения следует, что английский журналист

выполнял свою миссию в Сибири не без содействия петербургских властей. В другой корреспонденции, опубликованной в той же газете спустя три месяца, уже прямо указывалось со слов самого Виндта, что он совершает свое путешествие «вследствие вызова русского правительства <...> обращенного через русского агента г-жу Новикову», и что «в Петербурге он был снабжен от г. Галкина-Враского официальными тюремными отчетами и пропуском во все тюрьмы»¹⁹.

Гарри де Виндт (таково полное имя англичанина) не слишком обременял себя дорожными тяготами: доехав пароходом до Томска, он тем же рейсом вернулся обратно, посвятив осмотру местных тюрем менее одного дня. Не в пример автору «Сибири и ссылки» Виндт весьма поверхностно был подготовлен к своей миссии. Он не знал истории русских тюрем, не владел русским языком и, следовательно, не имел возможности непосредственно общаться с заключенными и местным населением. Едва только начав свое исследование, Виндт уже был убежден, что «м-р Кеннан нет справедлив»²⁰. Как похоже это на «англичанина», спутника Нехлюдова, который тоже приехал в Россию с заведомой целью — «*написать книгу, отрицающую Кеннана*».

И в дальнейшем позиция Виндта не претерпела изменений. Вернувшись в Англию, он написал объемистый труд с нарочито претенциозным заглавием «Siberia as it is»²¹ («Сибирь как она есть») (издан в Лондоне в 1892 году). Фальшь и лицемерие, которыми проникнута эта книга, бросаются в глаза, стоит только перевернуть обложку. На фронтисписе помещен рисунок с надписью: «Политические ссыльные в Сибири». Только благодаря этой надписи и можно узнать ссыльных. На вас смотрят сытые, довольные лица людей, совершающих приятное путешествие, одетых фантазией неизвестного художника в добротные меховые шубы... Рисунок полностью соответствует всему содержанию книги, которая, прежде чем быть напечатанной, прошла строгую цензуру О. А. Новиковой.

Ольга Алексеевна Новикова, урожденная Киреева (1840—1925), реакционная публицистка славянофильского толка, проживала постоянно в Англии. Тесно связанная с правящими кругами России, она

была неофициальным представителем царского правительства. Именно ей было доверено подобрать кандидатуру разоблачителя Кеннана. Она же руководила всей «антикеннановской» кампанией.

Постоянным советчиком Новиковой был ее брат А. А. Киреев, отставной генерал-лейтенант и публицист монархического направления. Из переписки, которая хранится в отделе рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина, видно, что Виндт ни в чем не перечил своей покровительнице и редактору. Даже жалуясь на то, что ей очень много приходится возиться с его рукописью, Новикова упоминает, что «автор мил и послушен»²².

В предисловии к его книге она характеризует де Виндта как человека искреннего и независимого в суждениях. Такая характеристика должна убедить англичан в том, что нужно верить ему, а не Кеннану. И все-таки книгу почти не покупали. А тут еще «Друзья русской свободы» подвергли ее сокрушительной критике. Особенно досталось незадачливому опровергателю от ироничного Волховского, который посвятил «Сибири как она есть» несколько своих статей²³. И вышло, что миссия Гарри де Виндта, несколько не поколебав престижа Кеннана, не только провалилась, но и позволила автору «Сибири и ссылки» (как он писал об этом З. А. Венгеровой²⁴) разоблачить сами методы «исследования», принятые англичанином и его покровителями²⁵.

«Голос за русский народ»

1893 году в Петербурге, в Департаменте полиции заводят новое дело: «О гражданине Северо-Американских штатов Джордже Кеннане»²⁶. «Вред, причиненный Кеннаном интересам русского правительства, — констатировал в агентурной справке старший помощник делопроизводителя А. Миллер, — громадный. Агитаторская деятельность этого иностранца, сумевшего произвести целый переворот в мыслях и взглядах на „дело русской

свободы” всего говорящего по-английски человечества, дала могучий толчок русскому революционному движению за границей»²⁷.

Царизм начинает обороняться активнее. В ход пущены все средства: от печатной клеветы до прямых провокаций. В июле 1891 года одна известная французская издательская фирма приобрела исключительное право издания «Сибири и ссылки» на французском языке, а также полный комплект клише для ее иллюстрирования. Книга, однако, осталась неизданной. Стоустая молва уверяла, будто бы право издания было перекуплено у фирмы царским правительством, чтобы скрыть французский перевод книги от читателя²⁸. Вполне вероятно, что так оно и было: в выборе средств для борьбы со своими противниками охранка не отличалась щепетильностью²⁹.

В том же 1893 году, когда А. Миллер заполнял первые страницы в деле «О гражданине Северо-Американских штатов Джордже Кеннане», другой чиновник, секретарь русской дипломатической миссии в Вашингтоне Петр Боткин предложил журналу «Сенчури» статью, опровергающую Кеннана. Она называлась «Голос за Россию». Точнее, это был голос за царское правительство. Передавая статью в редакцию, автор не скрыл, что она написана с ведома и одобрения министра внутренних дел.

«Самодержавие для России столь же естественно и оправдано, как республиканская форма правления для Соединенных Штатов, а царизм является просвещенной и благотворной системой отеческого надзора, дающей в результате общее довольство и благосостояние», — провозглашал Боткин. Описанное же в «Сибири и ссылке» — не что иное, как измышления³⁰.

Редактор «Сенчури» решил, что напечатает статью лишь при условии, если Кеннан напишет ответ. Кеннан же в это время находился в столице Соединенных Штатов, а его архив — на острове Кейп-Бретон, у юго-восточного побережья Канады.

Дело происходило зимой, и добраться на остров было трудно, так как все дороги занесло снегом. Тем не менее американец едет туда, и в

La voix pour le peuple russe par G. Kennan

ГОЛОСЪ
ЗА РУССКІЙ НАРОДЪ

(ОТВѢТЪ НА „ГОЛОСЪ ЗА РОССІЮ“)

Джоржа Кенана.

Изданіе
М. К. ЭЛПИДИНА

CAROUGE — (GENÈVE)
M. ELPIDINE, LIBRAIRE-ÉDITEUR
1896

Женевское издание статьи Кеннана

обледенелом доме, обогреваясь только фонарем, отыскивает необходимые материалы. Его ответная статья — «Голос за русский народ» — представляет тщательно обоснованный разбор дипломатической защиты деспотизма. Полемизируя с Боткиным, американский публицист обращался к трудам русских политэкономов и юристов, к официальной статистике и земским отчетам. Все эти материалы были привлечены для того, чтобы аргументированно прозвучал главный вывод: «русский народ не счастлив, не благоденствует», и правят им «притеснители, религиозные изуверы и реакционеры».

Что же касается затронутого Боткиным вопроса о «бескорыстном союзе» между Россией и Соединенными Штатами, то Кеннан писал: «Если должен быть перекинут „духовный мост“ между Западной республикой и Северной Империей, он не должен опираться на государственную власть и на престол царя, а должен соединить сердца американского народа и тех людей за Вислой, которые разделяют нашу любовь к свободе, но не могут ее достигнуть и которые просят нашего сочувствия в ожидании зари лучших дней». В заключение автор выражал надежду, что Россия не всегда будет деспотическим государством, что «рано или поздно власть самодержавия уступит место власти народа»³¹.

Так американский публицист подытоживал почти тридцатилетний курс своего «русского университета». Приведенные им факты и аргументы невозможно было опровергнуть, и Боткин потерял всякую охоту к продолжению полемики. А «Голос за русский народ» продолжал звучать. В женевской типографии М. К. Элпидина появился его перевод на русский язык³². А еще раньше «Голос...» отпечатали на гектографе в самой России. Как отмечает историк В. В. Широкова, новое произведение американского публициста использовали в пропагандистской работе, в частности, члены партии «Народного права»³³. Так называлась революционная организация, существовавшая в России в середине 90-х годов.

«От людей можно отделаться...»

огда Кеннан в пятый и последний раз посетил Петербург — это было в 1901 году — первое, что он услышал от своего старого знакомого, философа и публициста В. В. Лесевича, были слова: «Где вы взяли материал, чтобы разбить Боткина?»³⁵

Что же на этот раз привело американца в Россию?

Скорее всего, новая поездка была как-то связана с предложением, которое в 1899 году сделало ему одно из американских издательств, выразившее желание выпустить еще одну его книгу о России. Тогда Кеннан ответил отказом, мотивируя его следующим образом:

«Чтобы добыть свежий материал для этой книги (речь идет о «Сибири и ссылке». — *Е. М.*) — я пропутешествовал 25 тысяч миль, из них 8 тысяч миль на лошадях, лишив себя на полтора года каких бы то ни было удобств.

Затем я в течение целого года изучал русскую литературу по этой теме и прежде чем написать хотя бы строчку составил указатель из 12 тысяч карточек ко всем своим материалам. И, наконец, я потратил почти два с половиной года, чтобы написать книгу. Таким образом, „Сибирь и ссылка“ стоила мне пять лет труда.

Теперь вы, без сомнения, поймете, что я не в состоянии дать Вам такую книгу в 1900 году, даже если бы и обладал материалом для нее. Увы, у меня и нет столь свежего, интересного и впечатляющего материала, так как такой материал нельзя требовать каждый год или даже каждое десятилетие...»³⁵

Впоследствии Кеннан, по-видимому, решил попытаться собрать материал для новой книги. Об этом, в частности, свидетельствуют воспоминания Феликса Волховского, который виделся с ним накануне отъезда в Россию в Лондон.

«У него (Кеннана. — *Е. М.*), — сообщает мемуарист, — оставалось еще много неиспользованного материала, касавшегося Европейской России. Он надеялся обработать последний и, присоеди-

нив к нему то напечатанное, что не вошло в книгу „Сибирь и ссылка“, выпустить столь же основательный труд об европейской части империи, центр тяжести которого должно было составить земство. Необходимо было только освежить имевшиеся данные новыми впечатлениями, дополнить современными фактами. Для этого и нужно было ему новое путешествие»³⁶.

Отправляясь в очередной раз в Россию, Кеннан, надо полагать, догадывался, что уже не встретит того гостеприимства, какое было ему оказано в 1885 году. И все-таки, судя по всему, не терял оптимизма. А вот Волховский не питал ни малейших иллюзий. Он предостерегал своего американского друга, что «государственные заправилы (России. — Е. М.), боясь пуще всего выноса сора из избы, ...не пустят вторично козла в огород»³⁷. И оказался прав.

Впрочем, Кеннану все уже удалось беспрепятственно миновать границу и даже прожить около месяца в Гельсингфорсе и Петербурге. Но стоило в столичной прессе появиться сообщению о его приезде (газета «Новости» 10 июля 1901 года перепечатала заметку петербургского корреспондента парижского издания «Нью-Йорк Херальд»³⁸), как государственно-бюрократический аппарат империи немедленно пришел в движение.

Уже на следующий день, 11 июля, Департамент полиции обратился к петербургскому градоначальнику с «секретной» просьбой проверить газетное сообщение³⁹. Указание еще не успели выполнить, как надобность в нем отпала. Подтверждение о том, что Кеннан в Петербурге, поступило по другим каналам.

Ненужный документ пополнил уже известное нам «дело», а бойкое полицейское перо тотчас принялось строчить другую бумагу, адресованную на этот раз самому Д. С. Сипягину, который с 1899 года исполнял две должности — министра внутренних дел и шефа жандармов.

«По имеющимся сведениям, — читал 12 июля министр, — в С.-Петербурге находится в настоящее время известный американский путешественник и писатель Джордж Кеннан...» Далее на трех

машинописных страницах были перечислены его «грехи» перед царским правительством, начиная с 1870 года, т. е. со времени его путешествия на Кавказ.

Отмечалось, что Кеннан издал ряд «крайне тенденциозных сочинений на английском языке о Сибири, переведенных, кроме русского, на многие иностранные языки и вообще получивших весьма широкое распространение»; что, «не довольствуясь этим», он читал лекции и «приглашал свободных граждан Америки помочь русскому революционному движению»; что, «проживая постоянно в Вашингтоне, Кеннан поддерживал постоянные сношения с представителями нашей эмиграции в Америке и в Европе, а также со многими из находящихся в Сибири политических ссыльных, при случае содействуя побегу последних за границу».

«...Под влиянием лекций Кеннана, — отмечалось в докладной, — в 1890 году в Лондоне возникло „Общество друзей русской свободы“, в состав которого, кроме проживающих в Англии видных русских революционных деятелей, вошли природные англичане, в числе которых находились члены парламента, ученые, священники и другие, занимающие выдающееся общественное положение лица.

В первом номере упомянутого журнала этого общества „Free Russia“ изложена программа последнего, в которой, между прочим, говорится: „Издание на английском языке в столице Англии органа, имеющего целью содействовать делу достижения политической свободы в России, является новым направлением в журналистике, обусловленным тем интересом, который успел возбудить в английском свободном народе Джордж Кеннан описанием страданий жертв *царского* деспотизма“».

В заключение Департамент полиции испрашивал разрешение его высокопревосходительства на воспреещение Кеннану «как неблагонадежному иностранцу» въезда в пределы империи и на немедленную высылку его за границу⁴⁰.

Разрешение было получено в тот же день и сразу же объявлено Кеннану. Что было дальше, мы узнаем из его записки, адресованной

Александр Михайловне Калмыковой (издательнице народных книг, тесно связанной с «Искрой» и группой «Освобождение труда», близкому другу В. И. Ленина и Н. К. Крупской):

«...В настоящее время, — извещал он Калмыкову, — я нахожусь взаперти под арестом и сегодня вечером, по истечении 24 часов, как мне было объявлено, буду выслан из пределов империи...»⁴¹. Далее Кеннан просил передать извинения В. В. Стасову, к которому был приглашен ранее, и попрощался с друзьями...

Автору «Сибири и ссылки» отказали во всех его просьбах отсрочить отъезд (на три дня, или до отхода следующего парохода) и даже в проезде через Ригу. Как и было предписано, вечером 13 июля он выехал из Петербурга варшавским поездом. Петербургский градоначальник, уведомив об этом Департамент полиции, почел своим долгом представить также обстоятельное описание примет неблагонадежного американца⁴².

Из Лондона Кеннан написал два письма: Л. Н. Толстому и Сипягину.

В письме к Толстому он сообщает о случившемся и сожалеет, что, таким образом, лишился возможности посетить Ясную Поляну и выразить ее хозяину свою искреннюю любовь и уважение⁴³.

В послании к всеильному министру Кеннан пишет, что его книга, изданная 12 лет назад, представляет только исторический интерес (!), и потому он считает свою высылку из России плодом недоразумения. Он просит дозволить ему вернуться в Петербург, хотя бы под конвоем, исключительно с целью оправдаться перед его высокопревосходительством.

Не случайно Феликс Волховский, который читал это письмо и переводил с английского на русский⁴⁴, справедливо считает его «остроумнейшим произведением скрытого юмора»⁴⁵. А как оценил его адресат? В верхнем углу письма, которое обнаружилось все в том же полицейском деле⁴⁶, размашистым министерским почерком выведено: «Оставить без последствий и без ответа».

По всей видимости, наученные горьким опытом власти не рискнули возобновлять полемику с автором «Сибири и ссылки» и довольствовались радостью первой победы. Если так, то радость была преждевременной. Как писал декабрист М. С. Лунин, «от людей можно отделаться, но от их идей (равно как и от книг. — Е. М.) нельзя». Ближайшее будущее со всей очевидностью это подтвердило: в том же 1901 году в Лондоне вышло новое издание книги Кеннана в переводе на русский язык, выпущенное Фондом вольной русской прессы⁴⁷.

ВТОРАЯ ЖИЗНЬ

Дорогу открыла революция...

900-е годы Кеннан много колесил по свету. В 1902 году он изучал последствия извержения вулкана Пели на острове Мартиника; будучи военным корреспондентом журнала «Аутлук», дважды побывал на Кубе во время американо-испанской войны; в период русско-японской войны два с половиной го-

да находился на Дальнем Востоке: в Японии, Китае, Маньчжурии и Корее...

В Японии помимо своих журналистских обязанностей Кеннан распространял и пропагандировал среди русских военнопленных нелегальные и запрещенные в России революционные издания¹. Позднее к нему на помощь прибыл Н. К. Судзиловский-Руссель, врач и журналист, бывший гавайский сенатор, известный революционер-эмигрант, командированный американским обществом «Друзья русской свободы»².

Просветительский этот опыт оказался как нельзя более удачным. По убеждению Кеннана, из 70 тысяч пленных русских солдат по крайней мере 50 тысяч возвратились на Родину с новыми представлениями о царском правительстве и о причинах войны, а три четверти из них стали революционерами³.

Но были и другие последствия этой деятельности. Она явилась одной из причин охлаждения отношений между Россией и Соединенными Штатами⁴. Русское правительство обратилось с протестом также и к Японии, заявляя, что подобное «разращение солдат не честно и не принято у цивилизованных народов...»⁵. Понятно, что в

этих условиях все попытки Кеннана приехать в Россию, предпринятые им по возвращении из Японии ⁶, потерпели неудачу. Книге же его суждено было обрести широкую известность в России. Это случилось благодаря первой русской революции.

Как известно, Октябрьская всеобщая стачка вынудила правительство пойти на уступки и специальным манифестом 17 октября 1905 года «даровать» некоторые гражданские свободы, в том числе свободу печати. Хотя манифест не отменил предварительной цензуры, но, благодаря революционному натиску пролетариата, она была, — как писал В. И. Ленин, — «просто устранена. Никакой издатель не осмеливался представлять властям обязательный экземпляр, а власти не осмеливались принимать против этого какие-либо меры» ⁷.

На книжные прилавки потоком хлынула общественно-политическая литература различных направлений. Не была забыта и книга Кеннана. По подсчетам автора этих строк (возможно, неполным), за «14 месяцев свободы» — с 17 октября 1905 по 1 января 1907 года — в России было издано 9 различных ее переводов. Еще четыре раза выходили очерки из предварительной серии ⁸.

Чем объяснить этот новый взрыв популярности «Сибири и ссылки»?

Разумеется, дело не только в обстоятельствах, позволивших широкому читателю открыть для себя это еще недавно «безусловно запрещенное произведение», а, видимо, прежде всего, в его исторической ценности. «Книга Кеннана, — читаем в предисловии к одному из изданий того времени, — приобрела нашему освободительному движению такое количество сторонников на Западе, какого не приобрело никакое другое произведение иностранца, и уже в силу этого она представляет для нас значительный интерес» ⁹.

Но не только «вчерашние заслуги» книги объясняли ее популярность. В журнале «Былое» Ник. Аш. (псевдоним критика и публициста Н. П. Ашешова) ¹⁰ справедливо подчеркивал: «То, что было двадцать лет назад, повторяется и теперь. Декабрьская и январская реакция 1906 года только сгущает кеннановские краски в

картине политического режима настоящей минуты. Тюремный строй и жандармщина вместо суда царят и теперь в их старой неприкосновенности, и многие страницы книги Кеннана точно выхвачены из текущей газетной прессы и текущих событий. И устаревшая будто бы книга друга русской свободы опять оживает, напоминая о суровом долге продолжать борьбу...»¹¹

Злободневность «Сибири и ссылки», конечно, ощутили и «по ту сторону баррикад», и потому в годы столыпинской реакции она вновь появляется в списках литературы, подлежащей аресту и конфискации¹².

В другом обличье...

ниговед О. Д. Голубева, изучавшая издательское дело в период революции 1905—1907 годов, пришла к выводу, что «статистика в России была поставлена из рук вон плохо» и что «более 1000 издателей не значилось ни в каких официальных списках»¹³.

В числе таких вот «неучтенных», забытых издателей оказались и многие из тех, чьи имена стояли на титульных листах легальных русских переводов «Сибири и ссылки»: М. И. Анкифиев, М. Пирожков, И. Балашов, В. Врублевский, владельцы книгоиздательских фирм «Луч», «Логос», «И. Дюндорф и К».

Впрочем, книгу Кеннана издавали и лица, хорошо известные в книжном мире. 19 сентября 1906 года в газете «Русские ведомости» промелькнуло сообщение о выходе первого тома «Сибири и ссылки», выпущенного в Ростове-на-Дону издательством Н. Е. Парамонова «Донская речь» с примечаниями Бурцева, Семевского, Мельшина, Лопатина и Водовозова¹⁴.

Николай Елпидифорович Парамонов был владельцем крупных мукомольных предприятий на юге России. В студенческие годы он поддерживал связь с социал-демократическим движением. Основанное им в 1903 году издательство «Донская речь» широко выпускало

общественно-политическую литературу и беллетристику прогрессивных русских и зарубежных писателей. В описываемое время Парамонов также издавал журнал «Былое», посвященный истории русского освободительного движения. Не удивительно, что в комментировании книги Кеннана приняли участие известные литераторы, историки и революционеры из числа сотрудников этого журнала.

Несомненно, парамоновское издание следует считать наиболее полным и авторитетным среди русских переводов «Сибири и ссылки», но книга с такими выходными данными не числится в каталогах наших крупнейших библиотек.

Не числится, но... существует. Правда, в другом обличье: на титульном листе под заглавием и именем автора значится: «Склад при книгоиздательстве «Донская речь», «Книгоиздательская фирма А. Сурат». Время и место издания не обозначены. Библиографы уверенно ставят в квадратных скобках 1906 год, но колеблются между Петербургом и Ростовом-на-Дону¹⁵.

Здесь читатель вправе спросить, а какие есть основания считать эту книгу парамоновской и кто такой А. Сурат?

Ответ находим в исследовании профессора Н. С. Травушкина, посвященном истории издательства «Донская речь». В Государственном архиве Ростовской области ученый отыскал копию договора от 2 января 1905 года, из которого следует, что Парамонов продал свое издательство А. Сурату, служившему в издательстве бухгалтером. Показательно, что Новочеркасская судебная палата признала этот договор фиктивным, так как фактически дела продолжал вести Парамонов. Было установлено также, что книги и брошюры, выпускавшиеся в Петербурге и Ростове-на-Дону под маркой «Склад при книгоиздательстве «Донская речь» Книгоиздательская фирма А. Сурат», — все те же издания Н. Е. Парамонова. «Самая внешность этих брошюр, — говорится в определении суда, — формат, печать и внутреннее содержание, направление мыслей автора в целях пропаганды противоположительственных идей среди населения свидетельствуют о том, что источник их происхождения один и тот же»¹⁶.

Еще одно доказательство того, что перевод «Сибири и ссылки» под маркой А. Сурат — это и есть искомое парамоновское издание, содержится в самой книге. В предисловии к ней (с. VIII) редактор первого тома В. В. Водовозов благодарит за помощь в переводе фамилий, сомнительных мест и составление примечаний В. Л. Бурцева, Г. А. Лопатина, Л. Мельшина, В. И. Семевского, то есть всех тех лиц, которые упомянуты и в газетном объявлении.

Замысел, осуществленный наполовину...

 девятой книжке «Былого» за 1906 год один из рецензентов «Сибири и ссылки», укрывшийся под криптонимом А. Б.¹⁷, писал в обзоре четырех изданий книги Кеннана, вышедших в 1906 году: «Все эти издания при сравнении с подлинником поражают своими неточностями, ошибками, промахами. Было бы весьма желательно, чтобы и русские читатели получили, наконец, достойное и приличное издание рассматриваемого сочинения с воспроизведением всех в высшей степени характерных и интересных иллюстраций и портретов...»¹⁸.

Добавим, что переводчики нередко опускали казавшиеся им чересчур подробными описания, лингвистические толкования, рассуждения о традициях и т. п. Кроме того, в переводных изданиях отсутствовали фотографии, карты, схемы, рисунки, ценные документальные приложения, так что соображения рецензента имели глубокие основания.

Попытку издать «Сибирь и ссылку» в полном объеме предпринял в 1906 году петербургский издатель С. Н. Салтыков. Редактором и автором примечаний был приглашен уже упомянутый В. Л. Бурцев. Иллюстрировать книгу согласился известный график И. Я. Билибин.

Кеннан не только с готовностью дал разрешение на это издание, но и прислал несколько статей о России, которые никогда не

публиковались отдельно (их предлагалось выпустить в особом томе), краткую автобиографию и перечень откликов европейской и американской печати о «Сибири и ссылке».

Эти материалы, в том числе письмо Джорджа Кеннана к издателю, были воспроизведены в предисловии к первому тому, который в переводе З. Н. Журавской увидел свет в декабре 1906 года ¹⁹.

С. Н. Салтыков не поспешил на расходы: бумага, печать, иллюстрации — все было отменного качества. Впечатление дополняла графическая композиция Билибина, помещенная на обложке. Ее основу представляет тюремная стена с двумя решетчатыми окнами. Справа и слева — тяжелые звенья цепей. В центре стена как бы прорвана и открывается типичный сибирский пейзаж: белое поле равнины, верстовой столб, вереница ссыльных...

Кроме приложений английского издания и примечаний В. Л. Бурцева, в конце первого тома был помещен ряд документов, о которых автор упоминает в тексте: приговор по «делу 193»; заявление Исполнительного комитета «Народной воли» по поводу убийства американского президента Гарфильда; письмо М. К. Цебриковой императору Александру III.

Были сохранены все фотографии, имеющие отношение к политической ссылке, а сверх того книга пополнена новыми снимками, которых не было в издании 1891 года.

К сожалению, в конечном итоге интересный замысел оказался осуществленным только наполовину. Второй том, в котором среди прочего предполагалось поместить обстоятельное предисловие В. Л. Бурцева, так и не был напечатан. Его подготовка, по-видимому, совпала с окончанием цензурной передышки (январь 1907 года), когда законы о печати вновь стали действовать с прежней строгостью.

Говорят читатели...

ак утверждал известный русский издатель-просветитель И. Д. Сытин, «жизнь книги почти так же коротка, как и жизнь человека, — 50, 75, очень редко 100 лет — и затем наступает забвение и смерть»²⁰. Это наблюдение старого книжника, однако, едва ли можно принять за правило: слишком

много исключений. К их числу относится и книга Кеннана.

Она не обезличилась, не затерялась в курганах книг. В 1958 году «Сибирь и ссылка» в сокращенном варианте была опубликована на родине автора с предисловием его племянника, видного американского историка и дипломата, профессора Д. Ф. Кеннана²¹. В США она переиздавалась еще дважды, и уже фототипическим способом, в 1970 году²². В 1975 году с произведением Кеннана познакомились читатели ГДР²³.

В нашей стране книги, вышедшие в грозные дни первой русской революции и впоследствии счастливо ускользнувшие от жандармского «всевидающего глаза», служили еще нескольким поколениям читателей.

В 1927 году историк и краевед В. И. Николаев указал на «Сибирь и ссылку» как на важный источник, иллюстрирующий отношение царской администрации к политической ссылке²⁴. О том, какую исключительную ценность представляет эта книга для изучения истории кандалной Сибири, уже совсем недавно напомнили авторы брошюры «Занимательная библиография»²⁵. Особенно часто к труду Кеннана обращаются исследователи, а также писатели, работающие в историческом жанре. Вот что они говорят о Кеннана и его книге:

«Из всех русских и иностранных журналистов, писавших о борьбе царского самодержавия с русской революцией, с передовыми русскими людьми, Джордж Кеннан дал наиболее широкую картину этой системы, сочетая трезвый анализ с яркими зарисовками, с личными впечатлениями. Своей книгой Джордж Кеннан дал реальную основу

для прогрессивных кругов Америки и Западной Европы сформировать свое отношение к царскому самодержавию и к борцам против него. Мне в работе по изучению жизни и творчества С. М. Степняка-Кравчинского книга Дж. Кеннана оказала существенную помощь»²⁶.

Е. А. Таратута. Писатель и литературовед, Москва.

«...Коль скоро мои герои обручились с каторгой и ссылкой, то кеннановская „Сибирь“ у меня — настольная. Даже в тех случаях, когда сюжет не охватывает „места отдаленные“, она мне необходима, ибо ведь необходимо держать в уме всю биографию персонажа. Точность автора поразительна. Мне не случалось при чтении документов заметить какие-либо существенные отклонения, указывающие на фактическую неточность американского публициста, хотя официальная документация была для него за семью печатями. В симпатиях Д. Кеннана к русскому народу, или, точнее, к народам России, мне слышится что-то уитменовское. Я имею в виду „Письмо к русскому“ Уолта Уитмена...»²⁷

Ю. В. Давыдов. Писатель, Москва.

«...Кеннан возвеличивал борцов против царизма («самые мужественные типы мужчин и женщин, каких я когда-либо знал»), поднимал и укреплял их авторитет в глазах мировой общественности. Главное же, книга Кеннана не просто разоблачала царский деспотизм и возвеличивала русскую революцию, она звала к содействию революционной России и тем самым вносила весомый вклад в дело *международной солидарности* с нею, столь великозначимое поныне.

Лично я почерпнул из книги Кеннана не только смысл и колорит общей картины разоблачения, возвеличивания, солидарности, но и фактические детали (например, относительно дела «сибирской Веры Засулич» — М. И. Кутитонской), которые ни в каких других источниках не зафиксированы и тем ценнее для нас, ибо заслуживают полного доверия, ввиду безупречной репутации Кеннана как *осведомителя истории*»²⁸.

Н. А. Троицкий. Доктор исторических наук, профессор, г. Саратов.

«Труд Кеннана — и наука и публицистика. Это образец добросовестнейшего подхода к решению поставленной перед собой задачи. Всякий раз, когда я писал о людях революционного духа, рука „сама по себе“ тянулась к тому (если он, к счастью, оказывался на полке)»²⁹.

Л. Н. Большаков. Писатель и литературовед, Оренбург.

Итак, нет сомнений: книга Кеннана по-прежнему вызывает интерес. Но ставшая библиографической редкостью, она, увы, доступна далеко не каждому. Если при этом вспомнить, что переводы «Сибири и ссылки» на русский язык страдают неполнотой и не соответствуют современным требованиям, что они не снабжены комментариями и справочным аппаратом, то станет очевидной настоятельная необходимость осуществить новое, полное и научное издание книги Кеннана, максимально продлив ее вторую жизнь.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ами прослежена судьба книги «Сибирь и ссылка». А что ее автор, как сложилась его судьба в последние годы жизни?

После первой русской революции Джордж Кеннан не оставлял мысль о новой поездке в Россию. Когда эта книга уже готовилась к печати, отыскалось неопубликованное письмо Льва Львовича Толстого, сына писателя, П. А. Столыпину, тогдашнему министру внутренних дел. «В Америке, — писал Толстой 17 июня 1911 года, — я встретил известного писателя о России George Kennana. Он хотел бы вновь посетить Россию, но сомневается, будет ли ему дана возможность беспрепятственно проживать у нас.

Покорнейше прошу, — говорилось далее, — сообщить мне, что я могу написать Кеннану по этому вопросу.

Может быть, Вы любезно бы согласились разрешить Кеннану по приезду в Россию, посетить Вас лично и тогда ему было бы всего легче получить от Вас возможность ознакомиться с интересующими его сторонами русской жизни»¹.

Так же, как и его предшественник, Столыпин от встречи уклонился, полагая, должно быть, что от знакомства Кеннана с «интересующими его сторонами русской жизни» ничего хорошего не получится. Известно было, что в 1910 году, накануне очередного тюремного конгресса в Вашингтоне, он поместил в «Сенчури» ряд разоблачительных материалов под общим заглавием «Реакция в России». Он утверждал, что русские тюрьмы остались в таком же положении, в

каком двадцать лет назад они были им описаны в том же журнале ². С тревогой и болью следил автор «Сибири и ссылки» за происходящим в России. Газеты сообщали о росте и ужесточении репрессий, о «столыпинских галстуках» (так называли виселицы), о погромах...

Передо мной копии писем Кеннана его старому другу Н. К. Судзиловскому-Русселю, который со времени их совместной работы среди русских военнопленных в годы русско-японской войны так и остался жить в Японии. В этих письмах, извлеченных из архива бывшего гавайского сенатора, «русский вопрос» занимал главное место.

«Положение дел в России, — пишет Кеннан 5 августа 1910 года, — кажется мне временно безнадежным, если возможно употребить подобное выражение. Оно не является вообще безнадежным, потому что история показывает, что рано или поздно деспотизм будет свергнут. Однако нет надежды, что это случится еще при моей жизни. Россия когда-нибудь станет свободной, но я уже не смогу увидеть ее такой. И от одной этой мысли мне становится горько...»³

Джордж Кеннан не ошибся в своих предсказаниях относительно будущего России. Он ошибся лишь в сроках. В апреле 1917 года на многолюдном митинге в Нью-Йорке 72-летний ветеран американской журналистики прочел доклад «Писатели и художники в русской революции»⁴ и одним из первых среди соотечественников приветствовал свержение самодержавия.

Он умер 10 мая 1924 года ⁵, до конца дней своих сохранив симпатию к народу России. В некрологах, которые появились на следующий день, перечислялись произведения, созданные Кеннаном за полвека литературной деятельности. Среди них в первую очередь называли «Сибирь и ссылку».

«Книга Кеннана, — писал журнал, издававшийся в Москве Обществом бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев, — явилась первым звуком протеста против царистской политической карательной системы, увенчанной с одной стороны Шлиссельбургом, с другой стороны Карийской каторжной тюрьмой. Этой книгой Кеннан

взволновал не одно человеческое сердце и вызвал огромнейшие симпатии к русским революционерам в европейском и американском общественном мнении»⁶.

Заканчивая рассказ о судьбе автора «Сибири и ссылки», еще раз подчеркнем: он не только верил, что придет время, когда «власть самодержавия уступит место власти народа», но и помогал приблизить это время. И потому имя его и свершенное им не может быть забыто, как не забыто имя другого американца, впервые поведавшего о десяти днях, которые потрясли мир.

ПРИМЕЧАНИЯ

Вместо предисловия

- ¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. М., 1965, т. 37, с. 316.
- ² Английское заглавие "Siberia and the Exile System" на русский язык переводили по-разному: «Сибирь и система ссылки», «Сибирь!», «Сибирь и ссылка».
- ³ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. М., 1962, т. 22, с. 46–47.
- ⁴ Кеннан Дж. Сибирь и ссылка. [Сокр.] пер. с англ. [и предисл.] И. Кашинцева. Вып. I, изд. Парижского социально-революционного литературного фонда. Париж, 1890.
- ⁵ Плеханов Г. В. Соч. М., 1923, т. 4, с. 295.
- ⁶ Твен Марк. Собр. соч. М., 1961, т. 12, с. 610.
- ⁷ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. М., 1953, т. 65, с. 138.
- ⁸ Кеннан Дж. Сибирь и ссылка. Спб.: Изд. Врублевского, 1906, с. 28.
- ⁹ Там же, с. 39.
- ¹⁰ Там же, с. 31.
- ¹¹ Там же, с. 33.
- ¹² Там же, с. 178.
- ¹³ Там же, с. 176–177.
- ¹⁴ С. М. Степняк-Кравчинский. В лондонской эмиграции. Сост., пер. с англ. и коммент. М. Е. Ермашевой. М.: Наука, 1968, с. 201.
- ¹⁵ Кеннан Дж. Сибирь и ссылка. Спб.: изд. Врублевского, 1906, с. 129.

Сам себя сотворивший...

- ¹ Dictionary of American Biography. Vol. 10. New York, 1943, p. 331.
- ² Travis Frederick F. George Kennan and Russia, 1865–1905. Emory University, Ph. D. 1974, p. 13.
- ³ Ibid, p. 14–17.
- ⁴ См. предисловие Д. Ф. Кеннана в кн.: George Kennan. Siberia and the Exile System. Chicago 1958, p. 10.
- ⁵ Travis Frederick F. Op. cit., p. 31
- ⁶ Ibid, p. 41.
- ⁷ Ibid, p. 50.
- ⁸ Ibid, p. 51.

- ⁹ Kennan George. Tent Life in Siberia and Adventures among the Koraks and Other Tribes in Kamchatka and Northern Asia. New York: G. P. Putnam and Sons; London: S. Low, Son and Marton, 1870.
- ¹⁰ Williams William A. American-Russian Relations 1781–1947. New York, 1952, p. 24.
- ¹¹ Travis Frederick F. *Op. cit.*, p. 467.
- ¹² В 1871, 1872 и 1896 гг.
- ¹³ Кеннан Дж. Сибирь и ссылка. Спб.: Изд. В. Врублевского, 1906, с. 4–5.
- ¹⁴ Travis Frederick F. *Op. cit.*, p. 66.
- ¹⁵ С. М. Степняк-Кравчинский. В лондонской эмиграции..., с. 7.
- ¹⁶ Laserson Max M. The American Impact on Russia. Diplomatical and Ideological–1784–1917. New York, 1950, p. 307.
- ¹⁷ *Ibid.*, p. 308.
- ¹⁸ *Ibid.*
- ¹⁹ Некоторые подробности спора Кеннана и Армстронга заимствованы мною из воспоминаний Е. Е. Лазарева («Воля России», 1923, № 8–9, с. 41–42).
- ²⁰ Рощевская Л. П. История политической ссылки в Западной Сибири во второй половине XIX века (60–начало 80-х годов). Тюмень, 1976, с. 24.
- ²¹ Кеннан Дж. Сибирь и ссылка. Спб.: Изд. В. Врублевского, 1906, с. 3.
- ²² Там же.
- ²³ Подробнее см.: Travis Frederick F. *Op. cit.*, p. 183–184.
- ²⁴ *Ibid.*
- ²⁵ Кеннан Дж. Кочевая жизнь в Сибири. Приключения среди коряков и других племен Камчатки и северной Азии. Спб., 1872, с. 36.
- ²⁶ Волховский Ф. Дж. Кеннан и его место в русском освободительном движении. — В кн.: Кеннан Дж. Сибирь и ссылка. В двух частях. Пер. с англ. И. Н. Кашинцева. Спб.: Изд. В. Расопова, 1906, с. XIV.
- ²⁷ Travis Frederick F. *Op. cit.*, p. 187.

Сибирская «Одиссея»

- ¹ Кеннан Дж. Сибирь и ссылка. Спб.: изд. В. Врублевского, 1906, с. 10.
- ² Короленко В. Г. Собр. соч.: В 10-ти т. М., 1956, т. 10, с. 69.
- ³ Кеннан Дж. Сибирь и ссылка. Спб.: Изд. В. Врублевского, 1906, с. 11.
- ⁴ Там же.
- ⁵ Чехов А. П. Собр. соч.: В 12-ти т. М., 1963, т. 10, с. 30.
- ⁶ Кеннан Дж. Сибирь и ссылка. Спб.: Изд. В. Врублевского, 1906, с. 89.
- ⁷ Там же, с. 90.
- ⁸ Этот факт приводится в корреспонденции И. Б. Из Нью-Йорка (Самоуправление, 1889, № 4, с. 18).
- ⁹ Кеннан Дж. Сибирь и ссылка. Спб.: Изд. В. Врублевского, 1906, с. 93.
- ¹⁰ Там же, с. 94.

- ¹¹ Там же, с. 101.
- ¹² Там же, с. 96.
- ¹³ Лазарев Е. Е. Джордж Кеннан: Воспоминания. — Воля России, 1923, № 11, с. 16.
- ¹⁴ Кеннан Дж. Сибирь и ссылка. Пер. с англ. под ред. Е. Серебрякова. Спб.: Изд. А. Сураг, 1906, т. 2, с. 252. Ф. Трэвис считает эту цифру несколько завышенной (Op. cit., p. 216).
- ¹⁵ Lansdell H. Through Siberia. Second Edition. London, 1882.
- ¹⁶ С. М. Степняк-Кравчинский. В лондонской эмиграции..., с. 407.
- ¹⁷ Кеннан Дж. Сибирь и ссылка. Спб.: Изд. В. Врублевского, 1906, с. 121.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Там же, с. 122.
- ²⁰ Там же, с. 174.
- ²¹ Белокопский И. П. Дань времени: Воспоминания. М.: Задруга, 1918, с. 311.
- ²² Там же, с. 313.
- ²³ Кеннан Дж. Сибирь и ссылка. Спб.: Изд. В. Врублевского, с. 307.
- ²⁴ См.: Большаков Л. Н. Набатов-Лазарев: История одного образа и одного знакомства. — В его кн.: В поисках корреспондентов Льва Толстого. Тула, 1974, с. 164—221.
- ²⁵ Воля России, 1923, № 11, с. 32.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ Travis Frederick F. Op. cit., p. 210.
- ²⁸ См. о нем комментарии М. К. Азадовского. — В кн.: Воспоминания Бестужевых. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1951, с. 861.
- Указано Н. Я. Эйдельманом (Москва).
- ²⁹ Kennan G. Siberia and the Exile System. V. 2, N. Y.: Rusell and Rusell, 1970, p. 104.
- ³⁰ Воспоминания Бестужевых. Ред., статья и коммент. М. К. Азадовского. М.; Л.: 1951, с. 725.
- ³¹ Чарушин Н. А. О далеком прошлом. М.: Изд. Общества политкаторжан, 1931, с. 94.
- ³² Кеннан Дж. Сибирь и ссылка. Спб.: Изд. В. Врублевского, 1906, с. 142.
- ³³ Центральный государственный архив литературы и искусства (ЦГАЛИ), ф. 1696, оп. 1, д. 196, л. 3. Сообщено М. Ф. Шумейко (Минск).
- ³⁴ Белокопский И. П. Указ. соч., с. 312. Ср.: Его же. Джордж Кеннан: Из сибирских воспоминаний. — Русские ведомости, 1906, № 201, с. 3.
- ³⁵ Кропоткин П. А. Записки революционера/Предисл. и прим. В. А. Твардовской. М.: Мысль, 1966, с. 182.
- ³⁶ Цит. по кн.: С. М. Степняк-Кравчинский. В лондонской эмиграции..., с. 201. В датировке письма публикатором, видимо, допущена неточность. Поскольку приезд Кеннана в Лондон приходится на март—апрель 1886 года, а С. М. Степняк-Кравчинский писал, как это видно из содержания, через десять дней после встречи с ним, то

- это никак не могло быть в августе.
- ³⁷ Гиляровский В. А. Избранное. В 3-х т. М.: Моск. рабочий, 1961, т. 2, с. 33.
- ³⁸ Гусев Н. Н. Летопись жизни и творчества Льва Николаевича Толстого. 1828—1890. М.: ГИХЛ, 1958, с. 638.
- ³⁹ См.: The Century Magazine, 1887, № 34, р. 253—265. Тогда же появилось краткое изложение очерка в «Неделе» (1887, № 28).
- ⁴⁰ Ibid, р. 256.
- ⁴¹ Кеннан упоминает о том, что познакомил Толстого с рукописью воспоминаний Е. И. Россиковой о голодном бунте в иркутской тюрьме в 1884 году. — Ibid, р. 258.
- ⁴² Об этом, в частности, свидетельствуют воспоминания Л. С. Буткевича. См.: Летописи гос. лит. музея. Вып. 2. М., 1938, с. 339.
- ⁴³ Кеннан Дж. Сибирь и ссылка, т. 2. Спб.: Изд. А. Сурат, 1906, с. 251.
- ⁴⁴ Волховский Ф. Указ. соч., с. VIII.
- ⁴⁵ Подробнее см.: Колесниченко Д. Джордж Кеннан и царская охранка. — Прометей, вып. 7. М.: Мол. гвардия, 1969, с. 228.
- ⁴⁶ Короленко В. Г. Полн. собр. соч. Письма, Госиздат Украины, 1923, т. 50, с. 137.
- ⁴⁷ Фактически их было две: Кеннан дважды заезжал в Нижний Новгород и оба раза виделся с Короленко. (Travis Frederick F. Op. cit., р. 280).
- ⁴⁸ Об этом мне сообщил биограф Короленко А. В. Храбровицкий (Москва).
- ⁴⁹ Рукописная копия письма под заголовком «Отрывок из письма Кеннана к переводчику „Анны Карениной“ о г-не Короленко» хранилась в архиве писателя. Цит. по кн.: Короленко В. Г. История моего современника. М.: “Academia”, 1930, т. 3—4, с. 660—661. (примеч.)
- ⁵⁰ Кеннан Дж. Сибирь и ссылка. Спб.: Изд. А. Сурат, [1906], т. 1, с. 91. Ср.: Короленко В. Г. История моего современника / Подготовка текста и примечания А. В. Храбровицкого. М., 1965, с. 997 (примеч.)
- ⁵¹ The Blind Musician / By Vladimir Korolenko. Translated from Russian by Aline Delano. With an Introduction by George Kennan. Boston: Little, Brown and Co., 1890, р. X.
- Подробнее об отношениях В. Г. Короленко и Дж. Кеннана см.: Е. Меламед. В. Г. Короленко и Дж. Кеннан: Из истории русско-американских литературных связей. — Рус. лит., 1977, № 4, с. 152—157.

На пути к читателю

- ¹ Баскаков Э. Документальные материалы по истории народов СССР в архивах и библиотеках США. — История СССР, 1959, № 2, с. 223—228.

- ² Волховский Ф. Указ. соч., с. XIX.
- ³ Doves Anna Lourens. George Kennan. – The Century Magazine, 1888, vol. XXXVI, № 4, p. 630.
- ⁴ Ellsworth William W. A Golden Age of Authors. Boston and New York, 1919, p. 262.
- ⁵ Travis Frederick F. Op. cit., p. 286.
- ⁶ Тун А. История революционных движений в России/Пер. Веры Засулич, Д. Кольцова и др. 2-е изд. Пб., 1920, с. 21.
- ⁷ Travis Frederick F. Op. cit., p. 285.
- ⁸ Волховский Ф. Указ. соч., с. XIX.
- ⁹ Travis Frederick F. Op. cit., p. 292–293.
- ¹⁰ С. М. Степняк-Кравчинский. В Лондонской эмиграции..., с. 227.
- ¹¹ Stepiak Sergius. What Americans Can Do for Russia. – North American Review, 1891, vol. CLIII, p. 600–602.
- ¹² Travis Frederick F. Op. cit., p. 298.
- ¹³ С. М. Степняк-Кравчинский. В Лондонской эмиграции..., с. 228. Там же.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Более подробно о полемике с американским дипломатом см.: Travis Frederick F. Op. cit., p. 300–303.
- ¹⁶ Кеннан Дж. Сибирь и ссылка. Спб.: Изд. А. Сурат, 1906, т. II, с. 266–268.
- ¹⁷ Kennan George. Siberia and the Exile System. Vol. 1–2. New York: Century and Co., 1891. Kennan George. Siberia and the Exile System. Vol. 1–2, London: James R. Osgood, Meilvain and Co., 1891.
- ¹⁸ В примечании к списку литературы, который состоит только из произведений на русском языке, Кеннан указывал, что, не претендуя на полноту, он дает представление о границах его собственных познаний.
- ¹⁹ Обзор важнейших дознаний, производившихся в Жандармских управлениях империи по делам о государственных преступлениях... за 1892–1893 гг. б. м., б. д., с. 221.
- ²⁰ См.: С. М. Степняк-Кравчинский. В Лондонской эмиграции..., с. 426; Широкова В. Партия «Народного права»: Из истории освободительного движения 90-х годов XIX века. Саратов, 1972, с. 122.
- ²¹ Воля России, 1923, № 13, с. 16.
- ²² С. М. Степняк-Кравчинский. В Лондонской эмиграции..., с. 229.
- ²³ Волховский Ф. Указ. соч., с. XXIX. Ср.: The Century Magazine, 1890, Vol. XXXIX, № 6, p. 892.
- ²⁴ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., изд. II. М., 1962, т. 22, с. 47.
- ²⁵ Очевидно, имеются в виду рецензии, которые были помещены в «Новом времени» от 15/27 и 16/28 января 1888 г.
- ²⁶ С. М. Степняк-Кравчинский. В Лондонской эмиграции..., с. 232.
- ²⁷ Там же, с. 301.
- ²⁸ Центральный государственный архив Октябрьской революции и высших органов государственной власти СССР (ЦГАОР

- СССР), ф. 102, (ДП-3), 1890 г., оп. 88, ед. хр. 472.
- ²⁹ Центральный государственный исторический архив СССР (ЦГИА СССР), ф. 779, оп. 2, 1894, д. 23, л. 4.
- ³⁰ Там же, л. 61.
- ³¹ См. вступительную статью М. Кораллова в кн.: К. Либкнехт. Мысли об искусстве. М., 1971, с. 13.
- ³² Там же, с. 73–74.
- ³³ Kennan Jerzy. *Syberia / Przełożył autor "Wspomnień więźnia". Serya I–III. Wydanie drugie. Lwów. Nakładem tłomacza, 1891–1893.* Третье издание вышло в 1907 году в Варшаве (Kennan Jerzy. *Syberia / Przełożył K. L. Z. przedmowa Zdzisława Debickiego. Cześć 1–4. Warszawa, 1907.*)
- ³⁴ Подробнее о нем см.: Деятели революционного движения в России: Библиографический словарь, т. 2, вып. 1, стб. 127.
- ³⁵ Ellsworth William W. *Op. cit.*, p. 260.
- ³⁶ ЦГАОР, ф. 1762, оп. 4, д. 290, л. 83. Цит. по кн.: Поглубко К. А. Из истории российско-болгарских общественных и революционных связей (Последняя четверть XIX в.). Кишинев: Штиинца, 1979, с. 44.
- ³⁷ Подробнее см.: Ж. Ескенази. Прогрессивният американски публицист Джордж Кенън и българските преводи неговата книга за руските революционери. — Известия на народната библиотека Кирил и Методий, т. XI, (XVII), 1971, с. 297–310.
- ³⁸ Каталог рассмотренных иностранную цензурой сочинений, запрещенных и дозволенных с исключениями с 1-го июля 1871 г. по 1-е января 1897 г. Спб., 1898, с. 329, 462, 895.

«Сибирь и ссылка» в России

¹ Ellsworth William W. *Op. cit.*, p. 271.

² ЦГАОР, ф. 102, 3-е делопроизводство, 1890, оп. 88, ед. хр. 86.

³ *Новь*, 1888, т. XXIII, № 16, с. 167–182; № 18, с. 57–75; № 20, с. 171–188.

⁴ Ellsworth William W. *Op. cit.*, p. 271.

⁵ Короленко В. Г. Собр. соч. в 10-ти т. М.: ГИХЛ, 1955, т. 9, с. 738.

⁶ *Новь*, 1888, т. XXIV, № 22, с. 78–82.

⁷ Кеннан Дж. О России. Сибирь и ссылка. Сокр. пер. с англ. и предисл. И. Н. Кашинцева. Париж: Изд. Парижского социально-революционного литературного фонда. [Вольная русская типография в Женеве], 1890.

⁸ Там же, с. XV.

⁹ Там же, с. VI.

¹⁰ ЦГАОР. ф. ДП. ОО, оп. 1898, д. 15, ч. 46, л. 24.

¹¹ Кеннан Дж. Сибирь и ссылка / Пер. из "Century Magazine", 1–2. Лондон: Вольная типография, 1890.

- ¹² Об этом мне сообщила зам. зав. отделом редких книг Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина Л. Н. Петрова.
- ¹³ Кеннан Дж. Сибирь! / Пер. с англ. д-ра Генр. Руэ и д-ра Алекс. Вольфа. Берлин: З. З. Кронбах, 1891.
- ¹⁴ XVII Обзор важнейших дознаний, производившихся в Жандармских Управлениях Империи по делам о государственных преступлениях за 1892 и 1893 гг. Б. м., б. г., с. 238.
- ¹⁵ ЦГАОР, ф. ДП. ОО, оп. 1898, д. 15, ч. 46, л. л. 18—18 об.
- ¹⁶ Меньшиков Л. Охрана и революция: К истории тайных политических организаций, существовавших во времена самодержавия. Ч. 1. Годы реакции 1885—1898. М., 1925, с. 82.
- ¹⁷ Гос. архив Астраханской области, ф. 286, оп. 1, д. 82, л. 154. Сообщено Н. С. Травушкиным (Астрахань).
- ¹⁸ Меньшиков Л. Охрана и революция. Ч. 1. М., 1925, с. 423.
- ¹⁹ ЦГАОР, ф. 102, 7 д-во, оп. 1898, ед. хр. 138, т. I, л. 5. Сообщено А. В. Ратнером (Москва).
- ²⁰ Каторга и ссылка, 1928, № 3, с. 33.
- ²¹ Каторга и ссылка, 1927, № 6, с. 37.
- ²² Волховский Ф. Указ. соч., с. XI.
- ²³ Kennan G. F. Op. cit., p. XVI.
- ²⁴ Чехов А. П. Собр. соч. в 12-ти т. М.: ГИХЛ, т. 10, 1963, с. 28.
- ²⁵ Рошевская Л. П. Указ. соч., с. 22.
- ²⁶ Максимов С. В. Сибирь и каторга. Спб., 1871, с. 3, 99.
- ²⁷ Орфанов М. И. В дали (из прошлого): Рассказы о вольной и невольной жизни / С предисл. С. В. Максимова. М., 1883.
- ²⁸ Там же, с. XIX.
- ²⁹ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. М., 1952, т. 50, с. 5.
- ³⁰ Там же, с. 20.
- ³¹ Гудзий Н. К. История писания и печатания «Воскресения». — В кн.: Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. М., 1935, т. 33, с. 391.
- ³² Полтавский литературно-мемориальный музей В. Г. Короленко. Путеводитель. Харьков: Прапор, 1974, с. 60.
- ³³ См. комментарии М. Л. Семановой в кн.: Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем. М., 1948, т. 10, с. 536.
- ³⁴ См.: Цебрикова М. К. Письмо к Александру III: С приложением написанных для настоящего издания воспоминаний автора. Спб.: Библиотека «Свето́ча», под ред. С. А. Венгерова, 1906, с. 3.
- ³⁵ Там же, с. 17.
- ³⁶ Там же, с. 34—35.

Единоборство

- ¹ С. М. Степняк-Кравчинский. В лондонской эмиграции..., с. 272.

- ² ЦГАОР, ф. 102, 3-е д-во, 1890, оп. 88, ед. хр. 86, л. л. 1—2.
- ³ Там же, л. 4.
- ⁴ Прометей, вып. 7. М.: Мол. гвардия, 1969, с. 226—229.
- ⁵ Воля России, 1923, № 13, с. 3.
- ⁶ Travis Frederick F. Op. cit., p. 312—313. С.: Волховский Ф. Указ. соч., с. XXXVI.
- ⁷ "Free Russia", September, 1890, № 2, p. 13.
- ⁸ Ibid. Ср.: Волховский Ф. Указ. соч., ч. XLII.
- ⁹ Волховский Ф. Указ. соч., с. XLII.
- ¹⁰ Известный специалист по русскому уголовному праву профессор Н. Д. Сергиевский писал, что «конгресс напрасно предавался пирам и удовольствиям, когда на очереди стояли скорбные вопросы и когда у многих членов конгресса была еще в памяти замечательная книга Джорджа Кеннана о Сибири» (Юридический вестник, 1891, № 1, с. 144).
- ¹¹ Немцы о книге Кеннана о политических ссыльных. Отт. из журнала «Русский вестник». Спб., 1894, с. 2.
- ¹² Gowing Lionel F. Five Thousand Miles in a Sledge: A Mid-Winter Journey across Siberia. New York, 1890; Price Julius M. From the Arctic Ocean to the Yellow Sea: The Narrative of a Journey in 1890 and 1891; across Siberia, Mongolia, the Gobi Desert, and North China. London, 1892. Подробнее см.: Travis Frederick F. Op. cit., p. 307—308.
- ¹³ См.: Троицкий Н. А. Политические процессы в России 1880-х годов и мировая общественность. — В сб.: Освободительное движение в России, 1978, вып. 8, с. 22.
- ¹⁴ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. М., 1935, т. 33, с. 311—312.
- ¹⁵ Срезневская О. Доктор Бедекер, прототип Кизеветтера и англичанина в «Воскресении» Толстого. — В кн.: Толстой. Памятники творчества и жизни. Вып. 3. М., 1923, с. 91.
- ¹⁶ Более подробный критический анализ гипотезы Латимера см. в моей заметке «Бедекер или Виндт? (О прототипе «англичанина» в романе Л. Н. Толстого «Воскресение») Вопросы литературы, 1978, № 7, с. 304—308.
- ¹⁷ Интересно, что Лэнсдейла также считали несомненным прототипом «англичанина». (См.: Кропоткин П. А. В русских и французских тюрьмах. С англ. пер. Батуриного под ред. автора. Спб., 1906, с. 153).
- ¹⁸ Восточное обозрение, 1890, 23 сентября, № 38, с. 3.
- ¹⁹ Восточное обозрение, 1891, 13 января, № 3, с. 8—9.
- ²⁰ Там же, с. 9.
- ²¹ De Windt Harry. Siberia as it is / With an Introduction by Her Excellency Madam Olga Novikoff ("OK"). London, 1892.
- ²² Цит. по ст.: Иванова Н. В.

- Русская революционная эмиграция и развитие русско-английских общественных связей в 80–90-е годы XIX века. — В кн.: Учен. зап. Курского гос. пед. ин-та, вып. 43, ч. 1. Курск, 1967, с. 94.
- ²³ См.: "Free Russia", 1890, v. 1, № 3, p. 8; 1892, v. 2, № 1, p. 10–11; 1892, v. 3, № 4, p. 7.
- ²⁴ Венгерова Зинаида Афанасьевна (1867–1941) — переводчица и литературовед, сестра историка литературы профессора С. А. Венгерова.
- ²⁵ Отдел рукописей Института русской литературы АН СССР (ИРЛИ), ф. 39, оп. 2, ед. хр. 571, л. 2, письмо от 2 октября 1906 г.
- ²⁶ ЦГАОР, ф. ДП. ОО, оп. 1898, ед. хр. 15, ч. 46.
- ²⁷ Прометей, вып. 7. М., Мол. гвардия, 1969, с. 227.
- ²⁸ Волховский Ф. Указ. соч., с. 32.
- ²⁹ Аналогичный случай произошел в 1869 г., когда царское правительство с помощью агента III отделения К. А. Романна (Н. В. Постникова) выкупило за 26 тысяч франков у наследников князя П. В. Долгорукова его парижский архив, содержащий многочисленные, компрометирующие царизм документы. В 90-е годы «всероссийская шпионница» (так аттестовал III отделение сам Долгоруков) уже не существовала. Но ее функции выполнял Департамент полиции. Методы работы остались те же.
- ³⁰ Botkin Pierre. A Voice for Russia. — Century Magazine, new ser., 1893, Vol. XXIII, p. 611–615.
- ³¹ ЦГАОР, ф. 1741, брошюра № 4262, с. 7, 34, 35.
- ³² Kennan George. A Voice for the People of Russia: A Reply to "A Voice for Russia". — Century Magazine, 46, 1893, № 7, p. 461–472.
- Кеннан Дж. Голос за русский народ (Ответ на «Голос за Россию»). Изд. М. К. Элпидина, Carouge — (Genève). M. Elpidine, Libraire — Editeur, 1896.
- ³³ Широкова В. В. Указ. соч., с. 117.
- ³⁴ Ellsworth William W. Op. cit., p. 263.
- ³⁵ Цит. по ст.: Тэйлор Сталтс. Джордж Кеннан: специалист по России 1890-х. — Russian Review, vol. 29, N 3, July 1970, p. 283.
- ³⁶ Волховский Ф. Указ. соч., с. XLIII.
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ Новости, 1901, 10 июля, № 187.
- ³⁹ ЦГАОР, ф. ДП. ОО, оп. 1898, д. 15, ч. 46, л. 34.
- ⁴⁰ Там же, л. 35–36.
- ⁴¹ Отдел рукописей Государственной Публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ор ГПБ), ф. 738 (В. В. Стасова), № 281. (А. М. Калмыкова переадресовала это письмо

- В. В. Стасову с просьбой сохранить для потомства).
- ⁴² ЦГАОР, ф. ДП. ОО. оп. 1898, д. 15, ч. 46, л. 47.
- ⁴³ Лит. наследство, т. 75, кн. 1. М.: Наука, 1965, с. 419.
- ⁴⁴ Travis Frederick F. Op. cit., p. 425.
- ⁴⁵ Волховский Ф. Указ. соч., с. XLV.
- ⁴⁶ ЦГАОР, ф. ДП. ОО, оп. 1898, д. 15, ч. 46, л. л. 49—58.
- ⁴⁷ Кеннан Ж. Сибирь и ссылка. Пер. из "Century Magazine", 2-е испр. изд.: т. 1—2. Изд. Фонда вольной русской прессы, вып. 29. Лондон, 1901.

Вторая жизнь

- ¹ Кеннан Дж. Как велось просвещение русских солдат в Японии / С послесл. Н. К. Судзиловского-Русселя. — Каторга и ссылка, 1927, № 2, с. 158—176.
- ² Иосько М. И. Николай Судзиловский-Руссель. Жизнь, революционная деятельность и мировоззрение. Минск, 1976, с. 187.
- ³ Каторга и ссылка, 1927, № 2, с. 164—165. Об этом же красноречиво свидетельствуют десятки писем пленных русских солдат и офицеров, адресованных Н. К. Судзиловскому-Русселю и сохранившихся в его архиве (ЦГАОР, ф. 5825, оп. 1, ед. хр. 219—220).
- ⁴ Williams Williams A. Op. cit., p. 45.
- ⁵ Каторга и ссылка, 1927, № 2, с. 164—165.

- ⁶ О своем намерении приехать в Россию Кеннан, в частности, упоминает в письме к А. А. Бяловескому от 2 октября 1906 г. (ЦГАЛИ, ф. 1696, оп. 1, ед. хр. 455, л. 4).
- ⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. М., 1969, т. 30, с. 321.
- ⁸ Ряд изданий (с указанием тиража) значится в «Списке книг, вышедших в России в 1906 году». Спб., 1907, № 275, 276, 3644, 3645, 471, 7977, 1650.
- ⁹ Кеннан Дж. Сибирь и ссылка / Пер. с англ. под ред. В. В. Водозова. Спб.: Изд. А. Сура, 1906, т. 1, с. V.
- ¹⁰ Масанов И. Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей. М., 1956, т. 1, с. 82.
- ¹¹ Былое, 1906, № 1, с. 313.
- ¹² См.: приложение к № 6/7 журнала «Тюремный вестник» за 1911 год, с. 17.
- ¹³ Голубева О. Д. Издательское дело в России в период первой русской революции (1905—1907 гг.). — Книга. Исследования и материалы. Сб. 24. М., 1972, с. 115.
- ¹⁴ Русские ведомости, 1906, 19 сент., № 230, с. 5.
- ¹⁵ Кеннан Дж. Сибирь и ссылка. Спб.: Изд. А. Сура, т. 1—2, 1906.
- ¹⁶ Травушкин Н. С. Издательство «Донская речь». — Книга. Исследования и материалы. Сб. 21. М., Книга, 1970, с. 121.
- ¹⁷ Былое, 1906, № 9, с. 285.

- ¹⁸ Там же, с. 286.
- ¹⁹ Кеннан Дж. Сибирь и ссылка, т. 1. Полн. пер. с англ. З. Н. Журавской с примеч. В. Л. Бурцева. Спб.: Изд. С. Н. Салтыкова, 1906.
- ²⁰ Сыгин И. Д. Жизнь для книги. М.: Книга, 1978, с. 56.
- ²¹ Kennan George. *Siberia and the Exile System/Abrided from the first edition of 1891. With an Introduction by George Frost Kennan.* Chicago, 1958.
- ²² Kennan George. *Siberia and the Exile System. Vol. 1–2.* N. Y.: Russel and Russel, 1970; N. Y.: Praeger, 1970.
- ²³ Kennan George ... und der Zar ist Weit sibirien 1885 (Aus dem Amer. uberr. Von Helmut Grasshoff). Berlin, 1975.
- ²⁴ Николаев В. И. Сибирская политическая ссылка и изучение местного края. — Каторга и ссылка, 1927, № 5, с. 89.
- ²⁵ Морденштерн И. Г., Уткин Б. Т. Занимательная библиография. М.: Книга, 1978, с. 115.
- ²⁶ Письмо к автору от 24 октября 1978 г.
- ²⁷ Письмо к автору от 2 сентября 1978 г.
- ²⁸ Письмо к автору от 19 сентября 1978 г.
- ²⁹ Письмо к автору от 1 августа 1978 г.

Заключение

- ¹ ЦГИА СССР, ф. 776, оп. 9, д. 2074, л. 8–9.
- ² The Century Magazine, v. 80, June, 1910, p. 163–176. July 1910, p. 403–414; October 1910, p. 925–934.
- ³ ЦГАОР, ф. 5825 (Н. К. Судзиловского-Русселя), оп. 1, ед. хр. 190, л. 26 об. Подлинник на англ. яз.
- ⁴ Каторга и ссылка, 1927, № 1, с. 99–107.
- ⁵ Dictionary of American Biography, vol. 10, New York, 1943, p. 331.
- ⁶ Каторга и ссылка, 1924, № 5, с. 314.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН*

- Акопов А. В. 67.
 Аксаков И. С. 22.
 Александр II 18, 20, 28.
 Александр III 19, 30, 59, 71, 93.
 Анкифиев М. И. 90.
 Армстронг У. Д. 18—21
 Армфельд Н. А. 51, 55
 Аш. Ник (Ашешов Н. П.) 89
 Бардина С. И. 51
 Балашов И. 90
 Бедкер Ф. В. 77
 Белая 10
 Белокоцкий И. П. 31, 36, 51
 Белый (доктор) 10
 Беннет Д. Г. 22
 Берви-Флеровский В. В. 69
 Билибин И. Я. 92—93
 Бичер-Стоу Г. 48
 Блок А. А. 51
 Богданович Ф. Г. 58, 59
 Большаков Л. Н. 96
 Борзяков Г. 36
 Боткин П. С. 80, 82—83
 Бурцев В. Л. 90, 92—93
 Венгеров С. А. 71
 Венгерова З. А. 79
 Виндт Гарри, см. Де Виндт Гарри
 Влангали А. Г. 24, 25
 Водовозов В. В. 90, 92
 Волохов П. М. 41
 Волховский Ф. В. 9, 22, 45, 51, 75, 79, 83—84, 86
 Вольф А. М. 61, 63, 64
 Вольф Алекс. 66
 Врублевский В. 90
 Галкин-Враский М. Н. 52, 72, 77, 78
 Гарфильд Д. А. 93
 Герцен А. И. 59
 Гиляровский В. А. 38
- Гоуинг Лайонел Ф. 76
 Голубева О. Д. 90
 Гуковская В. 29
 Гулабчев Спирос 66
 Давыдов Ю. В. 11, 95
 Дана Чарльз 22
 Данстон В. Х. 50
 Де Виндт Г. 77—79
 Делано А. П. 40
 Джордано Умберто 76
 Долгополов Н. И. 30
 Достоевский Ф. М. 49
 Доус А. Л. 44
 Дурново Н. Н. 72, 74
 Журавская З. Н. 93
 Засулич В. И. 5
 Зотов Н. Л. 55
 Иванчин-Писарев А. И. 51
 Ионова К. 67
 Калинин М. И. 68
 Калмыкова А. М. 86
 Каронин-Петропавловский Н. Е. 51
 Катков М. Н. 24, 25, 30
 Кашинцев И. Н. 64
 Кеннан Джон 12
 Кеннан Д. Ф. 68, 94
 Клеменц Д. А. 51
 Клэй К. М. 50
 Киреев А. А. 79
 Коган-Бернштейн Л. М. 51
 Кононович В. О. 34, 36
 Корба А. П. 51
 Короленко В. Г. 25, 30, 40, 41, 47, 51, 63, 71
 Короленко Ю. Г. 40
 Кравчинский С. М. см. Степняк-Кравчинский С. М.
 Кропоткин А. А. 30, 39, 51
 Кропоткин П. А. 17, 30, 37
 Крупская Н. К. 86
 Крымский А. Е. 67
 Кутитонская М. И. 55, 95
 Лабулэ Эд. 31
 Лавров П. Л. 59, 72

* В указатель включены те лица, о которых идет речь в основном тексте. Имя Джорджа Кеннана здесь опущено.

- Лазарев Е. Е. 33, 51, 54, 74
 Латимер Роберт 77
 Ленин В. И. 86, 89
 Леонтьев А. А. 51
 Лесевич В. В. 83
 Либкнехт Карл 57
 Линев Д. А. 70
 Лобановский 27, 28, 51
 Лонгфелло Г. 31, 51
 Лопатин Г. А. 90, 92
 Лунин М. С. 87
 Лушников А. М. 34, 36
 Луцкий В. В. 59
 Лэнсдейл Г. 30, 77
 Максимов С. В. 69
 Мачтет Г. А. 51
 Мачтет (Медведева) Е. П. 51
 Мельшин Л. см. Якубович (Мельшин) П. Ф.
 Миллер А. 79—80
 Милль Джон 31
 Морзе М. А. 12
 Морзе С. Ф. 12
 Мошинский И. Н. (Юзеф Конарский) 68
 Никитина С. 29
 Новикова (Киреева) О. А. 77—79
 Николаев В. И. 94
 Орфанов М. И. 69
 Павловский 27, 28
 Парамонов Н. Е. 90—91
 Петренко Д. 68
 Петров Н. И. 64
 Пиз Э. 37
 Пирожков М. 90
 Плеханов Г. В. 5, 6, 45, 64
 Попов И. И. 34
 Попов П. 40
 Прайс Юлиус М. 76
 Присецкий И. Н. 51
 Пуччини Джакомо 76
 Ратнер А. В. 11
 Рум Леопольд 66
 Руссель см. Судзиловский-Руссель Н. К.
 Руэ Генрих 66
 Салтыков С. Н. 92—93
 Семевский М. И. 90, 92
 Сигида Н. М. 74
 Сипягин Д. С. 84, 86
 Смит Росуэлл 21, 33, 44, 50, 60, 63
 Спенсер Герберт 31
 Станюкович К. Н. 51
 Старр Фредерик 11
 Стасов В. В. 86
 Степняк-Кравчинский С. М. 6, 10, 17, 18, 37, 48, 49, 54, 55, 56, 72, 74, 95
 Столыпин П. А. 97
 Стоу Г. Б. см. Бичер-Стоу Г.
 Стрельников В. С. 51
 Стэйджер 15
 Судзиловский-Руссель Н. К. 88, 98
 Сурат А. 91—92
 Сытин И. Д. 94
 Таратута Е. А. 11, 95
 Твен Марк 6, 74
 Толстой Л. Л. 97
 Толстой Л. Н. 6, 33, 38, 39, 49, 70, 76, 77, 86
 Травушкин Н. С. 11, 91
 Троицкий Н. А. 76, 95
 Трэвис Ф. 45
 Тун Альфонс 44, 45
 Турбин С. И. 69
 Тургенев И. С. 49
 Уитмен Уолт 95
 Утков В. Г. 11
 Феоктистов Е. М. 67
 Федоровы (сестры) 67
 Фрост Джордж 23—26, 28, 32, 33, 35, 37, 46, 47, 48
 Хэндсом Генри 43
 Цебрикова М. К. 71, 93
 Чарушин Н. А. 34, 51
 Чернышевский Н. Г. 59
 Чехов А. П. 25, 34, 69, 71
 Чудновский С. Л. 31, 51
 Шашков С. С. 69
 Шелгунов Н. В. 69
 Широкова В. В. 82
 Шишко Л. Э. 51
 Элпидин М. К. 82
 Энгельс Ф. 5, 54
 Ядринцев Н. М. 33, 69, 70
 Яковлев (Богучарский) В. Я. 36
 Якубович (Мельшин) П. Ф. 70, 90, 92

ПРИЛОЖЕНИЕ

Чтобы читатель мог лучше представить себе книгу Дж. Кеннана, которая давно уже стала библиографической редкостью, публикуем отрывки из книги, рисующие манеру автора, его восприятие России, судьбы некоторых русских революционеров — жертв царского самодержавия.

Печатается по изданию:

Джордж Кеннан. Сибирь и ссылка. Перевод с английского
С.—Петербург: Издание В. Врублевского. 1906.

Сибирская экспедиция, снаряженная издателем журнала «Century Magazine», отправилась 2-го мая 1885 года из Нью-Йорка в Ливерпуль. Она состояла из двух участников: бостонского художника Георга А. Фроста и автора этих очерков. Мы оба говорили по-русски, оба уже бывали в Сибири... Продолжительное пребывание на севере Азии подготовило нас к трудностям и лишениям, сопряженным с поездкой по Сибири.

...Утверждают, что Египет есть создание Нила. С одинаковым правом, но, конечно, в ином отношении, можно утверждать, что юго-восток России есть продукт Волги.(...)

Очарованные несравненной красотой величественной реки и беспрестанно меняющимися видами, мы не заметили наступления сумерек и оставили палубу лишь, когда вполне стемнело. Свежий воздух был полон благоуханий, поднимавшихся с полей и лесных полянок. Как расплавленная сталь, неслась река между обоими берегами, которые были погружены в глубокую темноту, там и сям прерываемую лучами света с парохода. Где-то вдали замирала всем русским судовщикам знакомая и дорогая песня «Вниз по матушке, по Волге»...

Пронзительный свисток разбудил меня... Было пять часов утра. Машина прекратила работу; бросили с шумом сходни, и над моей

головой стал раздаваться непрерывный топот. Я угадал, что мы прибыли в Казань, и отправился на палубу. Уже взошло солнце, и река, как жидкое серебро, текла между пароходом и высоким западным берегом, покрытым по склонам нежной, сочной муравой. На восточной стороне находилась пристань; весело развевались на свежем утреннем воздухе флаги на пароходных мачтах. Повыше пристани, на песчаном, неплодородном берегу высился целый ряд деревянных построек, лавок и домов с пестро раскрашенными стенами и крышами. В непосредственной близости не было видно других построек, но вдалеке, на возвышении, увидел я стены, башни, минареты и сверкающие куполы, что мне живо напомнило виденную мною еще в детстве картину «Города Тщеславия» в книге Бэньяна «Богомолье». Это и был знаменитый и старинный город Казань, некогда столица татарского царства...

Беглый взгляд, который путник бросает на город, дразнит его воображение и возбуждает любопытство, не удовлетворяя его. В то время, как наш пароход стоял, я наблюдал, какое разнообразие цветов и оттенков представляет окраска русских домов. Я не могу определить действия этого пель-меля красок и тонов на зрительный нерв местных обывателей, но мне ясно теперь, почему русское слово «прекрасно» означает собой собственно «очень красно», и почему русские поэты, говоря о красивой девушке, называют ее «красная девица», предполагая, что к этому эпитету более нечего прибавлять.

Когда я вспоминаю о казанской пристани, то я, откровенно говорю, поражен, почему в русском языке не существует понятия «красно-зеленая девушка», «красно-голубая мелодия», «красно-желто-коричневые стихи». Не правда ли, была бы особая, «красно-бело-голубая» приятность в том, чтобы человек мог выражать своё удивление посредством красок и мог бы употреблять всю шкалу цветов, чтобы выразить превосходную степень какого-нибудь качества.

* * *

Ничто не поражает так сильно путешественника, который в первый раз переезжает в июне через Урал, как сибирский зной и необычайная красота, разнообразие и ароматичность сибирской флоры. Хотя мы были уже отчасти подготовлены к тому, что нас ожидало, благодаря нашей поездке вверх по Каме, но даже несмотря на это,

погода, растительность и красота ландшафтов на пороге Западной Сибири возбудили наш полнейший восторг. Ничто не напоминало нам, что страна, которую мы проезжали, покрытая богатейшим ковром цветов, обработанная и плодородная, принадлежит... к арктическому поясу. Если бы мы внезапно были перенесены сюда, то мы ни за что не угадали бы, в какой части земного шара мы находимся. Небо было ясно и прозрачно; деревья были покрыты ярко-зеленой листвой; пчелы жужжали, птицы распевали, качаясь на ветвях придорожных березок; в воздухе разносился аромат цветов и свежей травы, а июньское солнце распространяло такое тепло, действовало так благотворно на человека, как это может быть только где-либо в умеренном поясе.

Между станциями Черемисской и Сугацкой тянется открытая, плодородная и возделанная местность. Значительных лесов не было нигде видно, но волнообразная местность там и сям пересекалась перелеском или березовой или тополевой рощицей; часто, насколько мог только охватить взор, тянулись исключительно нивы; рядом с полосами ржи и пшеницы чернели свежеспаханые нивы или обширные луга с пасущимися на них коровами и овцами. И на этом зеленом фоне ярко выдавались занятые земледельческими работами мужчины и женщины в их пестрых одеждах. Иногда мы въезжали в прохладный лес, где раздавался крик испуганной кукушки, тарантас наш окунался снова в море васильков и незабудок, и всюду опять цветы да цветы; буквально, безбрежное море цветов. Травы не было вовсе видно: на далекое пространство степь выглядела желтым ковром, благодаря миллионам красивых цветов золотистого троллиуса, похожих на розы, затем новая картина, и вместо желтого, расстился бледно-голубой ковер из незабудок; получалось впечатление, как будто бы голубое небо отразилось на поверхности воды, что нас несколько раз, действительно, обманывало.

* * *

Г. Лобановский пригласил меня и г. Фроста зайти к нему вечером на его собственную квартиру, куда должны были явиться несколько друзей его. (...)

Внешность молодых людей не имела в себе ничего бросающегося в глаза или замечательного. Один из них был похож на студента, лет 24 от роду; другие два производили впечатление образованных крестьян или ремесленников с ясно выраженным русским типом и с печатью

меланхолии на лице. Видно было, что жизнь им не мать, а мачеха; они выглядели подавленными и раздраженными. Явившаяся с ними дама имела живой, впечатлительный характер. Госпожа Дическуло имела лет тридцать от роду; она была хорошо сложена; темные волосы ее мягкими кудрями ниспадали на шею; интеллигентные и живые черты лица ее, некогда, вероятно, замечательной красоты, постарели не по годам и казались тусклыми; сибирские непогоды, ветры, тягостная жизнь по тюрьмам и острогам подействовали на цвет лица, которое было поразительной бледности. На ней было темное шерстяное платье с кружевами на воротничке и рукавах, которое очень шло ей, и когда ее лицо в разговоре оживлялось, она делалась очень привлекательной и интересной.

В ее обращении не было и следа той смелости, твердости и эксцентричности, которые были, по моему мнению, нераздельны с представлением о сосланной в Сибирь по политическим причинам женщине. Она говорила плавно и изящно, иногда сердечно смеялась над эпизодами из своего сибирского «путешествия», объяснила, почему она носит короткие волосы — ей остригли коротко волосы в тюрьме — и с большим юмором рассказала пережитые ею в киргизских степях приключения. Из манеры передачи ею некоторых приключений можно было заключить, что с живым, впечатлительным умом она соединяла глубокое чувство.

Так, например, она была глубоко тронута, рассказывая, как камышловские крестьяне, в знак своего сочувствия к участи политических преступников, основательно вычистили местную пересыльную тюрьму и украсили камеры зелеными ветвями и цветами.

* * *

Все обладали основательными знаниями в области английской и американской литературы и отлично ориентировались в истории обеих стран и их учреждений. Шекспир, Милль, Спенсер, Бокль, Бальфур, Стюарт, Гейне, Гегель, Ланге, Ирвинг, Купер, Лонгфелло, Брет-Гарт и Гарриэт Бичер-Стоу, все они были цитированы в этот вечер. Все знали имя нового президента, рассуждали об его реформах по гражданской части, задавали очень подходящие вопросы насчет успеха ее; вообще высказывали такое знакомство с американскими порядками и положением дел в Соединенных Штатах, какого наши соотечественники и не предполагают.

После простого, но вкусного ужина с отличным китайским чаем, ссылыные стали хором петь русские народные песни, полные глубокой тоски; г. Фрост и я в свою очередь пропели несколько американских студенческих и военных песен, даже познакомили наших слушателей с негритянскими мелодиями. Было уже около полуночи, когда мы решили проститься и отправиться в гостиницу.

Понятно, что мне невозможно передать даже в главных чертах сущность всех тех бесед о русском правительстве и революционном движении, которые я вел с «политическими» в Семипалатинске. Я только обязан резюмировать то впечатление, которое произвели на меня эти прославленные нигилисты, которые, как вполне справедливо заметил г. Павловский, «при других обстоятельствах оказали бы родине неоценимые услуги». Если эти люди вместо этого прозябают и гибнут в изгнании, то это происходит не потому, что они не обладают любовью к отечеству или гражданскими доблестями, но только потому, что русское правительство, которое имеет дерзость думать и действовать вместо русского народа, стоит в полном противоречии к духу времени.

* * *

На следующий день утром взобрались мы на вершину последнего горного кряжа высотой в 2000 ф. и оттуда взглянули на полную дикой прелести долину Катуня, на краю которой поднимался Катунский столб, высочайшая вершина русского Алтая. Я был конечно до известной степени подготовлен к ожидавшей меня картине, так как уже раньше бросил несколько беглых взглядов на вырисовывавшиеся в ясном воздухе вершины; но вид их с лежащих напротив высот до того превзошел мои самые смелые ожидания, что я был ошеломлен и не мог собраться с мыслями. Только одно слово до сих пор еще невольно вырывается из уст моих, когда я вспоминаю об этом моменте: «Ужасно!» Открывшийся моим глазам вид не был красив или живописен, он имел в себе нечто невыразимо страшное, почти демоническое. Узкая долина р. Катуня, лежавшая почти у наших ног, была глубиной в 2—3000 футов и по другую сторону ее высоко возносилась в ясном голубом небе белоснежная шапка высочайшей вершины Катунского горного хребта.

Снежное покрывало, покрывавшее всю цепь от подошвы до вершины, только изредка прерывалось черной пропастью, крутой скалой или пиком. По сторонам вершины спускались семь огромных

глетчеров, из которых самый большой тянулся от луки между двойной вершиной вниз на 4000 фут. Глетчер, находившийся на правой стороне, представлял собой отвесно падавшую на глубину 1500 фут. стену льда, и на левом краю этой стены низвергался в узкое ущелье на глубину 800 фут. водопад, разбивавшийся с громовым гулом о тысячи утесов и выступов, пока не достигал дна ущелья. Крайние оконечности высочайших вершин были почти все время окутаны, что еще более увеличивало великолепие панорамы, так как получалась полнейшая иллюзия того, что ледники ниспадали с неизвестных высот, сквозь мчащиеся облака. Шум водопада примешивался к грохоту отрывающихся ледяных масс. Глаз не мог заметить ни малейшего их движения, но непрерывное скатывание и треск показывали, какие колоссальные силы природы работают здесь.

* * *

Я считаю излишним приводить характеристики и биографии всех ссыльных, с которыми мы познакомились в городах и деревнях Сибири. Но я все-таки хочу выразить в общем то впечатление, которое они на меня произвели. Усть-Каменогорские ссыльные отличались от ссыльных в Ульбинске разве большим разнообразием положений, которые они раньше занимали в обществе. Обе крайние ступени социальной лестницы имели здесь своих представителей: тут был один деревенский сапожник и одна кавказская княгиня, а между этими двумя представителями всевозможных классов и интересов: врачи, юристы, помещики, писатели, аптекари, журналисты, студенты, офицеры и т. д. Большая часть из них были дворяне или принадлежали к привилегированным сословиям; некоторые обладали, действительно, из ряда вон выходящим образованием, между ними некий Коновалов, который хорошо читал по-английски, но плохо говорил на этом языке, г. Милиншук, смуглый грузин из Тифлиса, и Адам Бяловеский, писатель и публицист из Полтавы, с которыми я особенно близко сошелся. Г. Бяловеский произвел на меня впечатление очень талантливого человека, с беспристрастным взглядом на вещи, с богатейшими знаниями русской литературы и права и с не менее значительными сведениями по истории западных литератур. Свое несчастье этот выдающийся человек нес с мужеством и смирением, хотя он и был пессимистически настроен и причислял себя к последователям Шопенгауэра. Мы разговаривали подробно о русских порядках, и его

спокойное, бесстрастное обсуждение русского революционного движения и принимаемых к его искоренению русским правительством мер произвело на меня самое лучшее впечатление. Изображение им русского общества, его нужд и желаний было свободно от всякого преувеличения и предубеждения, а его справедливый и беспристрастный приговор сделал бы честь даже выдающемуся судье. Заклеймить такого человека кличкой «нигилист» было глупо, а сослать его, как опасного члена общества, в Сибирь, низко и бесчестно. На всем земном шаре человек таких убеждений слыл бы за умеренного либерала.

* * *

В 1884 г. одна молодая и красивая девушка, по фамилии Софья Никитина, учившаяся в Киеве, была сослана административным порядком в один отдаленный пункт Восточной Сибири. Зимой 1884 — 1885 г., пройдя уже 4300 верст, она между Томском и Ачинском заболевает тифом, которым заразилась в одной этапной тюрьме. Транспорты ссыльных не сопровождаются врачами, и «политические», заболевшие в дороге, должны тащиться, невзирая на состояние погоды и фазис болезни, до тех пор, пока не достигнут какой-нибудь тюремной больницы. На расстоянии 1500 верст между Томском и Иркутском находится всего ч е т ы р е госпиталя, так что больных по неделе и по две волокут в телегах или в санях — т. е., если они еще не успели за это время умереть, — пока наконец не обретут успокоения, постели и врача. Как долго госпожа Никитина, больная, в изнеможении, тащилась в суровую сибирскую зиму по большой дороге, пока не достигла Ачинска, я не знаю; знаю одно, что спустя короткое время по прибытии туда она скончалась в тамошней тюремной больнице. Какое удовлетворение доставляло молодой мученице, так безвременно умиравшей в грязном тюремном госпитале, за много тысяч верст от домашнего очага, то сознание, что «отеческое» правительство наложило только в ее личных интересах на нее это ограничение, для того чтобы она не подверглась искушению совершить что-нибудь такое, что могло бы возбудить опасение за «общественное спокойствие и порядок» города Киева.

* * *

В четверг, 20 августа, в четыре часа после обеда достигли мы Томска. Со времени нашего отъезда из Тюмени прошло 51 день, и в это

время мы проехали 1500 английских миль, осмотрели две большие тюрьмы, познакомились с тремя поселениями административно-ссыльных и исследовали самую дикую и глухую часть Алтайского хребта. Мы остановились в «Европейской» гостинице; пообедав, мы сейчас же улеглись спать в очень уютной и комфортабельно обставленной комнате этой вполне европейской гостиницы.

Томск, главный город губернии того же имени, с населением в 31 000 чел.; лежит отчасти на холме, отчасти на низменном берегу Томи, немного выше ее впадения в Обь. По своей величине и значению это второй город Сибири, а по образованию и зажиточности жителей — первый. Он обладает 8000 жилых домов и других зданий, из них 250 кирпичных, 33 православными церквями, римско-католической церковью, тремя синагогами, мечетью, двадцатью шестью школами, насчитывающими 2500 учащихся, очень большой публичной библиотекой и даже великолепным зданием университета, выстроенным уже три года тому назад, но, несмотря на это, правительство не желает открыть его из опасения, что он сделается средоточием «вольнодумных идей» и «вредных направлений». По этой же самой причине три местные еженедельные газеты приостанавливаются каждый год печатанием на более или менее продолжительный срок по распоряжению министра внутренних дел. Улицы лишены всякой мостовой и даже не вполне освещены, хотя они во время нашего посещения были в сносном состоянии. В общем город производит более благоприятное впечатление, чем многие города европейской России, имеющие с ним одинаковое значение.

* * *

К самым интересным явлениям в мире политических ссыльных в Томске принадлежал незадолго до нашего приезда сосланный в этот город Константин Станюкович, издатель и собственник журнала «Дело», историю которого я рассказывал в одной из предыдущих глав. Это был человек, одаренный тонкой наблюдательностью, превосходный знаток социальных явлений в жизни России, талантливый писатель и драматург, короче, человек с выдающимися способностями и необычайной энергией. Супруга его, последовавшая за ним в изгнание, говорила отлично по-английски и, судя по всему, была высокообразованная женщина. Кроме одной взрослой дочери, девушки лет 17, очень красивой и образованной, они имели еще несколько маленьких детей.

В их уютной, маленькой квартире мы провели наши лучшие вечера в Томске. Мы часто до полуночи внимали дуэтам, которые распевала Милле Станюкович с князем Кропоткиным, беседовали о русском правительстве, ссылке в Сибирь или же обменивались впечатлениями о Лондоне, Париже, Берлине, Нью-Йорке и Сан-Франциско. Станюковичи объездили Соединенные Штаты, и мы имели во многих городах общих знакомых и много общих воспоминаний. Г. Станюкович зарабатывал литературным трудом средства к существованию всей семьи, и супруга его старалась облегчить ему борьбу за существование, давая уроки музыки, которую она знала в совершенстве. Они были сосланы на три года, и если правительство не продолжит срока ссылки, они будут в момент появления этих строк уже на свободе.

Самым симпатичным и привлекательным из всех томских ссыльных был для меня русский писатель Феликс Волховский, который был осужден на пожизненную ссылку в Сибирь по обвинению в принадлежности «к тайному обществу, стремившемуся к ниспровержению существующего государственного строя». Когда я познакомился с ним, это был мужчина лет под 38, с блестящим образованием и с благородным любящим сердцем. Он был недюжинный знаток английской и американской истории и литературы и большой почитатель Лонгфелло, стихотворения которого перевел на русский язык. Вся жизнь этого самого милого человека, какого я только встречал в своей жизни, была непрерывной цепью страданий. Продолжительное заключение в Петропавловской крепости расстроило его здоровье и покрыло сединами его голову; глубокая грусть лежала во взоре его карих глаз. Когда я на обратном пути из Восточной Сибири остановился в Томске, я еще раз, последний в моей жизни, зашел к нему проститься. Он обнял меня и покрыл поцелуями: «Георг Иванович, — сказал он мне, — не забудь ты нас! Ведь ты берешь с собой часть моего существования!»

Со времени моего возвращения в Америку, я только раз получил известие о г. Волховском. Прошедшей зимой он написал мне невыразимо печальное и трогательное письмо, в котором он извещал меня о самоубийстве своей жены. Сам он лишился своих занятий, благодаря приостановлению либеральной «Сибирской газеты», издававшейся в Томске; жена его, слабую фигурку и бледное, печальное лицо которой я еще теперь могу себе ясно представить, пробовала облегчить ему заботы о семье, давая уроки и занимаясь шитьем. Горе

и заботы сломили окончательно ее здоровье; больная душевно и телесно, она считала себя скорее бременем для мужа и детей, чем поддержкой; убежденная поэтому, что ее дорогая семья вздохнет легче после ее смерти, она пустила себе пулю в лоб. Муж чрезвычайно любил ее, и смерть ее была для него тяжким ударом. Он упоминал в своем письме о стихотворениях Джемса Русселя Ловелла, которые я ему выслал; особенно понравилось ему в его теперешнем настроении, говорил он, стихотворение «После похорон»: «оно еще раз убедительно доказало мне, что горе и печаль во всем мире одни и те же, что покинутый американский супруг испытывает те же страдания, что и его русский собрат по несчастью». К его письму была приложена маленькая кожаная спичечница, которую князь Петр Кропоткин подарил своему сосланному брату Александру: последний оставил ее в знак памяти Волховскому, который передал ее своей жене незадолго до ее смерти. Он убежден, писал он, что она будет для меня иметь некоторую ценность, так как она была постепенно собственностью четырех знакомых мне «политических», из которых один живет, как политический выходец, в Лондоне, другой ссыльный в Томске, а двое остальных уже вне власти русского правосудия.

Я попробовал прочитать это письмо моей жене, но рыдания заглушили мой голос, когда я вспомнил об этом благородном, глубоко любимом мною человеке, здоровье которого подкосили тюрьма и ссылка и которого еще поразил этот страшный удар.

Пусть царь посылает таких людей, как Волховский, в Сибирь или заключает их в уединенные, неприступные казематы, но придет время, когда имена этих людей будут записаны золотыми буквами в летописях родной земли, когда рассказы об их жизни и страданиях будут возбуждать русскую молодежь, любящую свободу и родину, к героическим подвигам.

* * *

В 1880 г. проживал в Харькове студент-медик по имени Нифонт Долгополов. Он закончил уже свое медицинское образование и ему оставалось сдать последний экзамен, как вдруг в Харькове произошли студенческие беспорядки, которые так часты в России. Вследствие особенно серьезного характера брожения университетские власти призвали на помощь войска; казаки живо очистили улицу. Г-н Долгополов не был революционером, даже не числился в списках

«неблагонадежных» и не имел никакого отношения к возникшим беспорядкам. Он был случайным зрителем всего происшествия, так как шел в это время по улицам. Когда он увидел, что казаки бьют нагайками беззащитных студентов, он, возмущенный этой дикой расправой, обратился к стоявшему около него чиновнику с следующими словами: «Стыдитесь, низко и бесчестно бить беззащитных людей нагайками». Чиновник немедленно обратил внимание полиции на г. Долгополова; его схватили и как зачинщика беспорядков посадили в тюрьму. Несколько месяцев спустя, без суда и следствия, его отправили в Западную Сибирь, в г. Курган. Так как он отказывался принести присягу на верность Александру III, его отправили в Тюкалинск. Исправник в этом городе, по фамилии Ильин, был горячий, бессовестный человек с самыми зверскими наклонностями. Молодой доктор уже вскоре по своем прибытии имел с ним столкновение. Произошло оно потому, что д-р Долгополов не держался строго ст. 27 «Положения». Он был не только сведущий врач, но и благородный человек и не мог отказать себе в желании принести помощь какому-нибудь страдальцу. Он не искал практики и не смотрел на нее, как на источник дохода; но если к нему приходил крестьянин в начальных стадиях тифа или с бельмом на глазу, то он всегда давал нужный совет или производил операцию, все это бесплатно, только из чувства долга. Известность д-ра Долгополова не понравилась исправнику. Он потребовал его в полицию, напомнил ему в оскорбительных выражениях о содержании ст. 27 «Положения» и под страхом заключения в тюрьму запретил ему лечить за вознаграждение или бесплатно больных крестьян. Д-р Долгополов должен был повиноваться и прекратил свою врачебную практику, но отношения его к исправнику были по-прежнему самые натянутые. Осенью 1883 г. сын тюкалинского головы Балахина, очень богатого и выдающегося купца, ранил нечаянно свою мать в ногу выстрелом из ружья. Рана была очень опасна, и удаление пули требовало опытного хирурга. Призванный к раненой городской врач Гуль, нервный и робкий человек, остановил кровотечение, но решительно отказывался вынуть пулю и советовал пригласить д-ра Долгополова, очень опытного хирурга. Г. Балахин спешит к д-ру Долгополову и просит его произвести операцию.

— Я не имею права практиковать, — возразил молодой врач.

— Но ведь дело идет о жизни и смерти, — возразил г. Балахин.

— Мне очень жаль, — отвечал д-р Долгополов, — но я нахожусь с исправником в самых натянутых отношениях. Я имел уже раз неприятности вследствие недозволенного выполнения врачебной деятельности, и мне запрещено под страхом тюремного заключения приняться опять за нее.

— Вас сослали в Сибирь за ваши гуманные воззрения, — сказал в отчаянии г. Балахин, — неужели же у вас хватит духу оставить умирающую женщину без вашей помощи, которая одна может ее спасти?

— Конечно нет, если вы ставите вопрос в такой форме. Я произведу операцию и буду ждать последствий моего непослушания.

Д-р Долгополов нашел, что в данный момент г-же Балахиной не угрожает никакая опасность, и предложил телеграфировать губернатору Лисогорскому, чтобы он разрешил произвести операцию, которую не хотел взять на себя местный врач. Через час был получен ответ. Губернатор считал себя некомпетентным в этом случае и советовал городскому голове обратиться за позволением в медицинский департамент министерства внутренних дел.

— Видите вы, какое значение имеет человеческая жизнь в глазах начальства? — сказал с презрением доктор Долгополов.

Он совершил операцию, удалил пулю, перевязал артерию и, таким образом, предотвратил всякую опасность для жизни г-жи Балахиной. На следующий день молодой врач был арестован; исправник открыл следствие по этому делу, которое в архиве тобольского губернского правления озаглавлено следующим образом: «Незаконное удаление административно-ссылным Н. Долгополовым пули из ноги госпожи Балахиной». В то время, как судебное следствие, которое велось губернским правлением, затянулось на неопределенное время, доктор Долгополов сидел в грязной окружной тюрьме, где он заразился тифом.

Случай д-ра Долгополова возбудил в маленьком городке всеобщее внимание, и, когда распространился слух об его болезни, ему стали посылать в тюрьму букеты цветов и кушанья. Эти демонстрации произвели впечатление даже на исправника, и он приказал освободить молодого врача и доставить его на его квартиру. В то же время он сделал официальное сообщение губернатору Лисогорскому, что обвиняемый в одном преступлении административно-ссылный Нифонт Долгополов обладает громадным влиянием на все тюкалинское

население, что грозит большой опасностью для «общественного спокойствия» всего округа. Жители приносят ему в тюрьму цветы и изысканную пищу, и симпатии их к нему так велики, что они даже будут способствовать его бегству. При таких обстоятельствах он (исправник) слагает с себя всякую ответственность и просит его превосходительство распорядиться переводом означенного Долгополова в Сургут или другую часть губернии, где за ним будут строже следить.

Что г. Долгополов лежал при смерти, исправник благоразумно скрыл, и губернатор, который не знал об этом важном обстоятельстве, немедленно телеграфировал исправнику, чтобы тот выслал Долгополова этапным порядком в Сургут. Исправник сообщил конвойному офицеру приказание губернатора и предложил ему немедленно исполнить его, от чего конвойный офицер однако отказался, так как он получил строгий приказ не принимать от местных властей больных ссыльных. Д-р Долгополов опасно болен, может, пожалуй, умереть по дороге, и тогда его подвергнут дисциплинарному взысканию за нарушение закона. Тогда исправник, который решился во что бы то ни стало избавиться от ненавистного ему врача, приказал заложить крестьянскую телегу, выбрал несколько городских для конвоя и отправился с ними на квартиру д-ра Долгополова. Последний лежал в постели и был до того слаб, что не мог даже привстать. Супруга его стала было сопротивляться аресту мужа, но была связана по рукам и ногам. В одной ночной рубашке д-р Долгополов был вынесен на простыне и уложен в телегу. Это произошло 24 октября 1883 г. Была довольно холодная погода, и для г. Долгополова экспедиция эта могла окончиться печально, если бы один сострадательный зритель всей этой сцены не набросил на него своей шубы. В тряской телеге, по отвратительной дороге, исправник тащил свою несчастную жертву целых 180 верст, отделяющих Тюкалинск от уездного города Ишима, где в то время находились одиннадцать ссыльных, между ними известный русский писатель Мачтет. Многие из них знали д-ра Долгополова лично, и все знали историю его страданий; когда они увидели, в каком состоянии находился молодой врач, они немедленно отправились к ишимскому исправнику и заявили, что все они решительно сопротивляются дальнейшему путешествию молодого врача и, если до того дойдет, употребят насилие. Они потребовали врачебного исследования, в каком состоянии находится

д-р Долгополов, предложили ишимскому исправнику составить протокол, после чего сделали в губернию запрос по телеграфу, приказал ли губернатор тюкалинскому исправнику в такое время года отправить умирающего человека в одном ночном белье, на простой крестьянской телеге, за 180 верст. Немедленно последовало распоряжение губернатора передать больного Долгополова в местную больницу на излечение, причем приказ о ссылке его в Сургут отменялся. В Ишиме рассказывали, что губернатор воспользовался случаем, чтобы содрать с тюкалинского исправника взятку в 500 руб., грозя ему, в противном случае, судом за нарушение закона о ссыльных. Может быть, этот рассказ был неоснователен, но вообще всем было известно, что губернатор продавал должности, которые были в его распоряжении, предлагавшим наивысшую плату, которую он получал, играя по большой с кандидатами на известные должности, имевшими почему-то «несчастье» всегда проигрывать.

Г. Долгополов пробыл до полного выздоровления в ишимской больнице, после чего был отправлен обратно в Тюкалинск. Впоследствии его перевели в Семипалатинскую область, где его положение значительно улучшилось; когда я в последний раз слышал о нем, он был сильно занят антропологическими исследованиями среди киргизов.

Это типический случай, почему я так долго и остановился на нем; он прекрасно иллюстрирует обращение русских властей с неблагонадежными и показывает, насколько правы были сургутские ссыльные, заявляя, что власти обращаются с ними бесчеловечно.

Впечатление, которое получаешь, читая описания этих страданий, этой жестокости и несправедливости, напечатанные холодными, бездушными буквами, нельзя сравнить с тем, которое получаешь, слушая их из дрожащих уст мужчин и женщин, игравших в описанных трагедиях главную роль. Я не стыжусь сознаться, что часто при этих рассказах глаза у меня наполнялись слезами, и я беспомощно сжимал кулаки, — слезы были для меня часто большим облегчением. Эти беспрерывные душевные страдания казались мне более тяжелыми, чем физические.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вместо предисловия	5
САМ СЕБЯ СОТВОРИВШИЙ	12
Похвала телеграфу	12
В плену у иллюзий	16
Убийцы ли нигилисты?	18
Кто поедет в Сибирь?..	20
СИБИРСКАЯ «ОДИССЕЯ»	24
Дорога к истине	24
Поворотный пункт	27
После Семипалатинска	29
«...Его факты новее и многочисленнее...»	31
Явное и тайное	37
«Очень интересный посетитель...»	40
НА ПУТИ К ЧИТАТЕЛЮ	42
Трудно быть беспристрастным...	42
«Хижина дяди Тома» сибирской ссылки	45
«Я гордился бы такими братьями и сестрами...»	49
«Сообщите Кеннану...»	52
«Разоблачил перед всем миром...»	55
«СИБИРЬ И ССЫЛКА» В РОССИИ	60
Обычные конверты... с крамолы	60
В журнале для семейного чтения...	61
Книги... из «черного списка»	64
«Настоящая библия...»	66
«Суждения... Кеннан'а поучительны...»	68
ЕДИНОБОРСТВО	72
«Дело Департамента полиции...»	72
«М-р Кеннан нет справедлив...»	76
«Голос за русский народ»	79
«От людей можно отделаться...»	83
ВТОРАЯ ЖИЗНЬ	88
Дорогу открыла революция...	88
В другом обличье...	90
Замысел, осуществленный наполовину...	92
Говорят читатели...	94
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	97
Примечания	100
Указатель имен	111
Приложение	113

Меламед Е. И.

М47 Джордж Кеннан против царизма: «Сибирь и ссылка»
Дж. Кеннана. — М.: Книга, 1981. — 127 с., ил. — Судьбы
книг.

Книгу прогрессивного американского писателя Джорджа Кеннана «Сибирь и ссылка» М. И. Калинин назвал «настоящей библией для ранних революционеров». Этот двухтомный труд получил мировое признание, был высоко оценен Ф. Энгельсом, Г. В. Плехановым, Л. Н. Толстым, В. Г. Короленко.

Автор собрал в крупнейших архивохранилищах страны материалы, рассказывающие о судьбе этой книги, ее читательском бытовании, о судьбе этой книги в России.

Для книголюбов, интересна и широкому кругу читателей.

М $\frac{61001-012}{002(01)-81}$ 5-81

76.11

Ефим Исифович Меламед

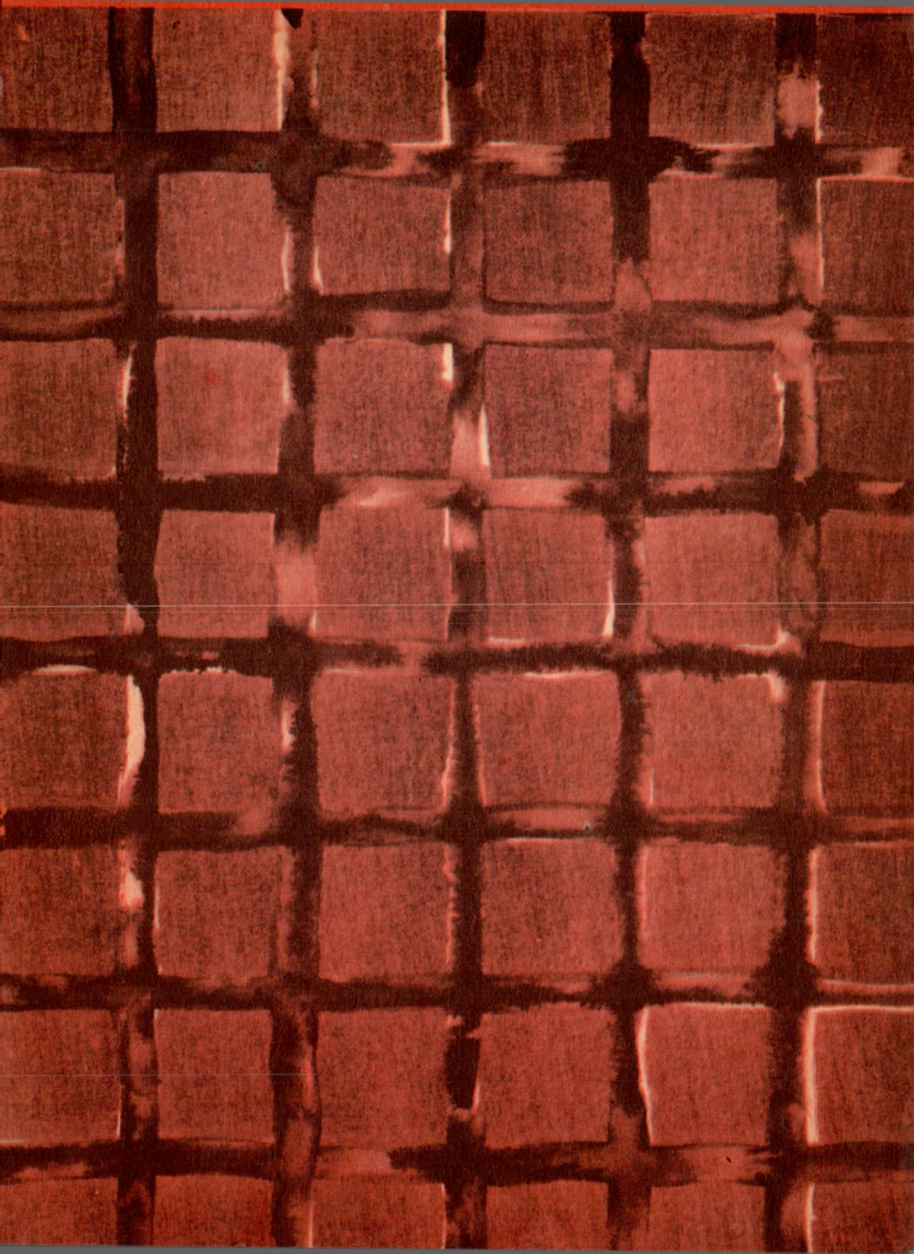
ДЖОРДЖ КЕННАН ПРОТИВ ЦАРИЗМА
«Сибирь и ссылка» Дж. Кеннана

ИБ 695

Зав. редакцией Т. В. Громова
Редактор Э. Б. Кузьмина
Художник А. А. Кирсанов
Художественный редактор Е. А. Сумнительный
Технический редактор Н. И. Аврутис
Корректор Л. В. Петрова.

Сдано в набор 16.07.80. Подписано в печать 14.01.81. А.06034.
Формат 70 × 108 $\frac{1}{32}$. Бум. офсетная № 2. Гарнитура Таймс.
Офсетная печать. Усл. печ. л. 5,60. Усл. кр.-отт. 11,55.
Уч.-изд. л. 6,48. Тираж 60 000 экз. Заказ 631. Изд. № 2842.
Цена 25 к.

Издательство «Книга»
Москва, К-9, ул. Неждановой, 8 / 10.
Ярославский полиграфкомбинат Союзполиграфпрома
при Государственном комитете СССР по делам издательств,
полиграфии и книжной торговли,
150014, Ярославль, ул. Свободы, 97.

Серия «Судьбы книг» рассказывает
о выдающихся произведениях русской,
советской и зарубежной литературы;
прослеживает, как зарождался замысел
книги, как отразился в ней облик эпохи,
как восприняли книгу ее современники
и читатели новых поколений

В 1981 году выйдет в свет:

Цейтлин Е. Л.
Сколько дорог у «Бронепоезда 14—69»?

Порудоминский В. И.
Повесть о «Толковом словаре»